

Камр Заветна

ПЛЕННИК

...в городе спокойно,
пока дедоч спит

18+

Катя Заветная

Пленник

«Автор»

2026

Заветная К.

Пленник / К. Заветная — «Автор», 2026

Сонный поселок погрузился во тьму. Местные жители шепчутся о сумасшедшем, который вернулся в свой дом у кладбища. Говорят, он управляет людьми, словно марионетками. Говорят, у него два имени. Говорят, он вовсе не псих, а одержимый. Ученица выпускного класса Злата Ульянова много внимания уделяет учебе, а в свободное время занимается плаванием. Привычный уклад жизни меняется, когда девушка становится волонтером и отправляется в тот самый дом...

Содержание

Глава 1	5
Дожливый вечер	5
Глава 2	11
Страшилкиот Гренкина	11
Глава 3	15
«Баттерфляй»	15
Глава 4	19
Новаянеприятность	19
Глава 5	24
«Доброесердце»	24
Глава 6	30
Верёвочная	30
Глава 7	37
Встреча с Лазарем	37
Глава 8	43
Расплата	43
Глава 9	48
Его имя	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Катя Заветная

Пленник

Глава 1

Дождливый вечер

Черногорск — мрачный, сырой, опутанный сизой дымкой, точно паутиной, городок.

Сам по себе Черногорск неплохой, относительно безопасный. Конечно, люди запирают на ночь двери и ставят на сигнализацию автомобили. И все же преступность здесь невелика. Тихий старый город, подходящий любителям дождей, запахов хвои, древесины и душного печного дыма.

Было время, дед Андрей задумывался над продажей родительского дома в Туманной Лощине и переездом в Черногорск. Все же воспитывать отпрыска легче в цивилизации, где и учебные заведения, и развлекательные центры, и медицина. Да, медицина превыше всего.

Но дед Андрея каждый раз что-то останавливало: то отсутствие средств на городскую квартиру (их частный дом в Туманной Лощине стоил значительно дешевле приличной двухкомнатной квартиры в Черногорске), то подступившая зима и требующаяся в связи с похолоданием «перебортовка» старенькой «Митсубиши», то налоги и прочие причины, бьющие по карману.

Так семья Шварца и приросла к дому по улице Верёвочной, в сером, промозглом, охваченном плаксивой погодой поселке.

Этим дождливым сентябрьским вечером было особенно беспокойно. Угрожающе черное небо пронзила яркая вспышка. Гром гулко прокатился по местным окрестностям и хорошенько встряхнул Туманную Лощину, численность которой составляла около девяти тысяч человек. В Туманке (как лаконично окрестили поселок местные) практически никогда не происходило ничего особенного. Жители вели рутинную жизнь: растили детей, ходили на работу, ухаживали за садом и живностью, у кого таковая имелась, отдыхали в свободное от забот время и ложились спать. И так каждый день.

Но с приходом осени все изменилось. В каждом переулке слышались осторожные перешептывания: «...псих вернулся», «говорят, он ушел в лес, а потом возвратился уже другим», «...он убил в городе нескольких девушек, трех или четырех, и теперь прячется здесь, в поселке». От ядовитых слов на душе у шестидесятидвухлетнего дед Андрея, как звали его ученики, было тягостно.

— Я ознакомился с заключением психиатра, — задумчиво произнес доктор местной больницы, Михаил Иванович Козлов. — И я не согласен. В заключении говорится, якобы «симптомы диссоциативного расстройства личности» на основании проведенного обследования не выявлены. Это более чем странно. У Ефима расщепление личности налицо. В его случае не требуются никакие тесты, — Козлов задержал взгляд на дубовой двери в подвал.

Что-то сильно ударило ее изнутри.

Как и Козлову, Андрею Алексеевичу Шварцу, учителю физкультуры, стало не по себе.

— Подумаем, что можно сделать. Ясно, что держать Ефима в подвале — просто невыносимо, ведь он болен. Ему требуются особые условия, которые может предоставить только реабилитационный центр. Но они считают его «полностью дееспособным»! — Козлов раскраснелся от возмущения. — Что там за врачи сидят в этой городской психиатричке? Понабрали черт знает кого, а люди остаются без должного лечения! И попробуй докажи стервятникам, что

они неправы, — доктор вынул платочек из нагрудного кармана и провел по увлажнившейся шее. — Ясно одно — действовать нам предстоит самостоятельно.

— Хотел бы я перевести Ефима в комнату. Но в прошлый раз он выбросил из окна домработницу, которая помогала мне по хозяйству. Бедняжка еле уцелела. И это после курса терапии в стационаре! — дед Андрей обреченно ссутулился.

Дверь снова гроыхнула, грозясь слететь с петель.

Доктор настороженно просканировал ее взглядом, словно взвешивая: выдержит или не выдержит. Шею дед Андрея свело судорожным спазмом.

Шварц и Козлов были друзьями, сколько себя помнили. Они родились в Туманке, ходили в один детский сад, вместе учились и почти одновременно женились. А вот сыновья у них родились с разницей в десять лет. Сначала у Козлова, затем поздний ребенок у Шварца.

Доктор натянул бейсболку до самых бровей и тронул козырек.

— Андрей Алексеич, мне пора. Сегодня еще дойти до Ульяновых — у них дочь температурит. А потом не помешает и самому отдохнуть. Если что, сразу звони. Телефон у меня всегда под рукой. Не забудь добавить в еду седативное.

Дед Андрей снова кивнул и, следуя за доктором в прихожую, взволнованно спросил:

— А дочь-то которая из них?

— Что? — обернулся Козлов.

— Говоришь, у Ульяновых не помогает дочь. Старшая или младшенькая?

— А-а-а. Да-да, старшая, Влада.

Очередной раскат грома поглотил яростный пинок в дверь. Дверь, которую дед Андрей боялся открывать. Она скрывала то, что не должно разгуливать на свободе. То, что должно быть спрятано ото всех. То, с чем уже несколько лет боролся вдовец Шварц один на один. Он бы никогда не подумал, что смерть жены — это добрый знак.

Смерть — это всегда трагедия. Хотя бы для одного человека в целом мире.

И все же хорошо, что Настасья упокоилась до того, как с сыном произошла чертовщина.

Ведь дед Андрей не верил, что Ефим болен. Он чувствовал — с сыном творится нечто похуже. То, чему логического объяснения не найти.

Дед Андрей закрылся изнутри и обвел морщинистыми глазами дом. То было старомодное строение, обшитое снаружи деревянной вагонкой, покрытое невзрачными обоями внутри. В левой части первого этажа располагалась комната с камином, двумя креслами и несколькими массивными книжными шкафами, далее небольшое пространство в качестве прихожей, в укромном углублении которой укрывалась дверь в подвал. Правую часть дома занимала кухня-гостиная с древними деревянными шкафчиками, пожелтевшей от времени столешницей и загрязненной плитой. Раковину переполняли грязные тарелки, которые дед Андрей все никак не мог вымыть из-за засора в сливе.

Крепкая лестница, ведущая на второй этаж, местами зловеще стонала и зияла сколами. Здесь размещались спальня дед Андрея, спальня его двадцатипятилетнего сына и общая ванная комната.

Пожалуй, все.

Дед Андрей бросил взгляд на устаревшие красно-коричневые настенные часы с кукушкой. Восемь. Пора подавать ужин. Шаркающей походкой дошел до кухонного островка, опустил на поднос глубокую тарелку с супом, два ломтя хлеба и стакан сока. В сок добавил спасительные капли. Они должны подействовать на Ефима успокаивающе. При условии, что попадут в желудок. Потому как частенько капли вместе с принесенной едой оказывались размалеваны по стене или полу.

И все же восемь вечера — самое подходящее время для ужина. Потому что в двадцать ноль-ноль Ефим всегда добрее.

С тяжелым вздохом дед Андрей поставил поднос на сгиб локтя и двинулся к подвалу. Мысленно готовился к тому, что его ждет.

Но перед тем как отодвинуть крепкий металлический засов, перекрестился. Дед Андрей не был верующим, но в случае опасности человек зачастую прибегает к вере. Так происходит с теми, кто не может справиться в одиночку. С теми, кто не всемогущ.

Прогнившие доски жалобно заскрипели под тяжестью дедовских резиновых сапог. Подвал плохо освещался, и вовсе не из-за слабой лампы. В воздухе висел запах затхлости и пыли, к которому примешивались пары душевной боли и паники, исходившие от деда.

Преодолев последнюю ступеньку, дед Андрей, стараясь не смотреть в потемневшие глаза сына, что пристально следили за каждым его движением, поставил поднос на деревянный стол в углу.

— Гор-р-рстка ублюдков, — выплюнул пленник.

Проглотив оскорбление, дед Андрей коротко вымолвил:

— Поешь.

В ответ прозвучал тихий, пробирающий до костей, смех, а затем низкий хрипловатый голос:

— Ты, пр-р-ресловутый доктор — старый х-х-хрен, и тупее пластикового ножа ментёнок. Ему хоть два-а-адцать-то исполнилось? Вы заперли меня з-з-здесь, и на этом все? Ду-у-умаете, вы меня остановите? Пригласить сюда ба-а-атюшку было бы куда мудрее.

Стены сотряслись от смачного хохота, пронизанного жестокостью и жаждой кровопролития. По позвоночнику дед Андрея прошелся холодок.

— Да ладно, па, я же пошутил, — мило улыбнулся Ефим и, словно его тотчас подменили, добавил: — Хочешь совет?

Дед Андрей не нашел, что сказать. Впрочем, ответа от него и не ждали. Сынок, оскалившись, совсем по-змеиному прошипел:

— Если ты уве-е-еровал в Бога, приде-е-ется поверить и в Дьявола.

Дед Андрей уставился в пол, краем глаза видя Ефима, сидевшего на толстом матрасе, обложенного одеялом и подушкой. Его голова склонилась вниз, чуть согнутые в локтях руки расслабленно лежали на коленях. Темно-бордовая футболка, обтягивающая тугие мышцы груди и пресса, напоминала большое запекшееся пятно крови. Темные мягкие штаны в некоторых местах были порваны. Голые ноги не мерзли от прохладного пола.

— Днем приносил тебе свежие штаны и носки, — неуверенно начал дед Андрей и, заикаясь, пробормотал: — Г-где они?

Ефим запрокинул голову, от чего волосы цвета едкого дыма взметнулись, и утробно расхохотался. Подбородок деда Андрея дрогнул. Он сделал небольшой шаг назад, найдя опору в виде стены. И сделал это вовремя. В считанные секунды Ефим оказался возле отца и мертвой хваткой схватил за грудки. Встряхнул и отчеканил, глядя в подслеповатые глаза:

— Совсем скоро они окажутся в глотке у твоего дружка Козлова.

Голова деда Андрея полегчала — рухнуло давление. Ефим поставил отца, которого держал в нескольких сантиметрах от пола, отдернул руки от рубашки цвета хаки и расправил на нем сбившийся воротничок.

— Твое вре-е-мя еще не пришло, старика-а-ан. Вали-и-и отсюда, пока я не передумал.

Пошатнувшись, дед Андрей оперся о неравномерно окрашенную стену и направился к выходу. Десять ступеней вверх казались ему непреодолимым препятствием на пути к жизни.

Прежде чем закрыть дверь он осторожно обернулся на сына — тот размазывал ужин по куску рваных обоев на стене, не переставая о чем-то тихо шептать.

Я безотрывно смотрела в лучистые, такие летние глаза Феде Ермоленко, пытаюсь перева- рить его слова. Выражение лица одноклассника транслировало бесконечную тоску. Мне стало еще более неуютно, чем минуту назад. Я отвела взгляд в сторону, уставившись в пушистый кустарник барбариса. Маленькие круглые листочки с приходом осени приобрели усиленный бордовый окрас.

В каждом дне есть что-нибудь приятное, не правда ли?

Моя покойная бабушка по материнской линии не преминула бы заметить: «Вот проснулся ты утром, руки-ноги целы, голова работает; ты жив, здоров, полон сил; твои родные здоровы, заботятся о себе сами — это ли не радость? У тебя масса дел, которые ты совершенно точно не выполнишь за сутки. Они плавно перетекут на следующий день, а потом на следующий, на следующий. И так на протяжении всей жизни.

Ты видишь этот куст? А кто-то не видит. Ты счастлив. Наслаждайся жизнью, цени ее, береги близких, учись отпускать плохое. Плохое время от времени будет случаться, но *то* жиз- ненный опыт. Нужен он тебе или нет, придется стойко перенести, отряхнуться и идти дальше».

Вкрадчивый голос Феде прозвучал далеко-далеко, заглушенный потоком моих мыслей.

— Злата Ты ведь знаешь, как оно бывает, — он взъерошил свои золотистые кучерявые волосы. — Любые отношения в нашем возрасте — это не судьба, Злат. Это просто как бы опыт, — он ухмыльнулся, довольный собственной репликой.

Я невольно сравнила слова моего друга и первого возлюбленного с мнением бабушки, которая при жизни давала мне много полезных советов. Потому отчасти я была с Ермоленко согласна. О том, что мои прабабушка и прадедушка женились сразу после школы, я предпочла умолчать.

Я смотрела на Федю как будто бы со стороны, как на чужого человека. Бывшего люби- мого, с которым наши пути только что разошлись. А ведь мы могли бы двигаться дальше. Последний год в школе, совместная учеба в университете, первая работа, общее жилье, семья, дети. Мы могли бы «расти вместе». Добиваться всего вместе. Войти во взрослую жизнь рука об руку, сплоченной маленькой командой. Поддерживать друг друга в любых начинаниях, делиться переживаниями, помогать в трудностях.

Как любая почти семнадцатилетняя старшеклассница, я мечтала о пышном свадебном платье и молодом красивом женихе. Так сложилось, что в моих сновидениях женихом высту- пал ангельской наружности Федя. Человек добрый, всегда понимающий и теплый, как печка. Казалось, мы были душевно близки. Казалось, мне посчастливилось встретить в нашем боль- шом мире *настоящую* любовь, посланную мне судьбой.

И что же теперь?

Я поджала нижнюю губу, стараясь позорно не расплакаться. Нос уже порядком забился, и я со свистом втянула воздух.

— Да не плачь ты, дружок. Ну, подумаешь, расстались, — Федя самодовольно возвел мутновато-травяные глаза к грозовому небу. — Мы были вместе целых два месяца. Прикинь, какой срок! Да в шестнадцать лет никто так долго не встречается.

Ник-то... Я опустила глаза на свои замшевые мокасины с запылившейся подошвой. Горя- чая слеза, подкатившая к правому глазу, намеревалась выбраться за ресничный барьер и упасть тяжелым камнем на выложенную плиткой дорожку, ведущую к крыльцу моего дома.

Сейчас, как никогда, я чувствовала себя разбитой и жутко уставшей. Не хотелось выяс- нять причину нашего разрыва, хотелось просто уйти. Забраться на излюбленный широкий под- оконник в комнате, накрыться пледом, взять любую книгу из сорока двух неп прочитанных и окупаться в захватывающий *другой* мир.

— Знаешь, Федя, я, наверное, пойду, — получилось чуть слышно, но меня это несколько не волновало. Притворяться желанием не было, да и не умела я.

Федя дотронулся коротким пальцем с обкусанным под корень ногтем к моей щеке.

— Я тебя ни на кого не променял. Просто мы разные.

Я слотнула горькую волну, обжегшую пищевод и вновь подступившую к горлу.

— Понятно, Федя. Спасибо тебе за дружбу.

Не желая слышать больше ни слова, я развернулась, в два шага вскочила по ступеням, дернула дверь и захлопнула ее за собой. И только теперь, прижавшись спиной к холодному дереву, я подставила к губам кулак и отчаянно заплакала.

Я отхлебнула горячего чая с лимоном и поставила точку в сочинении по литературе.

— Так, на завтрашний день домашка готова, — я собрала тетради в аккуратную стопку и постучала ею по столу.

Бережно вложив учебники в сумку, проверила, на месте ли канцелярия, губная помада, расческа и мизерный флакончик духов. Закрывает замочек, отставила сумку в сторону. Вынула из шкафа плечики с бледно-розовой рубашкой и утепленную коричневую юбку-миди.

— Теперь все готово.

Мой перфекционизм был сродни мании. Я не могла уснуть, если одежда на следующий день не подготовлена с вечера. Не могла расслабиться, если не делала уборку пару дней. Вокруг должны царить чистота и порядок. Только тогда я чувствовала себя свободно. И спокойно. Хотя и допускала непродолжительный творческий беспорядок на своем письменном столе, книги в стеллаже были расставлены строго по издательствам и цвету, украшения, резинки и косметика — все имело свое место. Порядок в комнате означал порядок в голове.

Но тревожные мысли о расставании с Ермоленко не развеялись, как прах в пустыне, пока я перебирала разноцветные стикеры и раскладывала их по цветам в маленькой жестяной коробочке из-под шоколадки. Если бы Федя повел себя по-свински, то забыть его было бы легче. Но приятный тембр моего бывшего ангела грустной ласковой музыкой отдавался в ушах так, что время от времени на меня накатывали слезы.

Я всей душой любила свою уютную квадратную комнатку на втором этаже. Персиковые обои, светлые шторы, линолеум в цвет древесины, теплых оттенков мебель: односпальная кровать, тумба, шкаф, книжный стеллаж и письменный стол. Только кресло-мешок выбивалось из общего фона, но я нашла выход — накрыла его плюшевым молочным пледом. Кровать располагалась прямо у широкого подоконника, застеленного мягким покрывалом, с пухлой подушкой и начатой книгой. На меня призывно посматривала «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» Энн Бронте, но настроения читать не было совсем.

Внезапно дверь в комнату приоткрылась.

— Еще не ложишься? — полусшепотом спросила мама, поправив выбившуюся из-под ободка короткую темно-русую прядь.

Мама наградила меня темными волосами и каре-зелеными глазами в золотистую крапинку. Фигурой я тоже пошла в нее — среднего роста, стройная, с маленькой грудью, тогда как Влада была кареглазой, выше меня на полголовы, с объемным бюстом и подтянутым спортивным телом. В отца пошла. Я уже и не помнила, какого цвета ее родные волосы — сестра частенько экспериментировала с прической. Каких только оттеночных тоников, красок и паке-тиков с хной у нее не было!

Голубой халат мамы и тапочки с кроличьими ушками, на которые я засмотрелась, вернули меня в реальный мир.

— Сейчас в душ и спать.

— Давай, не засиживайся. К Владе приходил доктор Козлов, сказал, помимо высокой температуры, симптомов ОРВИ нет.

— Может, она отравилась или как его там, — я постучала пальцем по нижней губе. —
Поймала какой-нибудь ротавирус?

Мама покачала головой.

— Нет. Просто высокая температура ни с того, ни с сего.

— Глисты?

Не заметив иронию в моем голосе, мама ответила:

— Надеюсь, нет. Посмотрим до завтра-послезавтра, а потом в больницу. Ты в порядке?
Что-то гнусавишь.

Я качнула головой.

— Нет, все хорошо, — и чмокнув маму в щеку, притворила дверь.

Мама работала в супермаркете продавцом, а папа инструктором в автошколе. Оба были спокойного, доброго нрава. Мы с Владой даже не слышали, чтобы они ругались. Да и нас отчитывали нечасто.

Распаренная после горячего душа, в облаке душистого кокосового геля, ввевшегося в кожу, я вошла в комнату и сменила махровый халат на пижамные шорты и майку. Когда расчесывала гладкие темные волосы, доходящие по поясницы, на телефон пришло сообщение.

Влада: *«кися, спокойной ночи тебе. ужасно соскучилась по теннису. как встану на ноги, разнесу тебя в пух и прах. готовься, моя курица».*

Я хихикнула. Влада любила давать мне разные прозвища, и я ничуть на нее не обижалась. Я любила сестру и не представляла своей жизни без нее. Мне повезло с Владой — на нее всегда можно было положиться. Между нами не было зависти, недомолвок, сплетен за спиной. Мы не жаловались друг на друга родителям и не ждали, когда кого-то из нас накажут. Владе я доверяла полностью, даже больше, чем маме. Влада меня никогда не подведет и не предаст. Я готова за это ручаться.

Включив запись голосового сообщения, я с улыбкой проговорила:

— Спокойной ночи, коза. Жду не дождусь, когда ты оживешь. Первым делом задам тебе трепку. Люблю тебя.

Мы частенько обменивались с Владой сообщениями, находясь в разных комнатах. Как говорил папа: «Вот до чего дошел сетевой прогресс!».

Летом Владе стукнуло восемнадцать, и между нами разверзлась пропасть в целых два года. Но скоро я ее догоню, и мы снова станем «погодками». В этом году она поступила на экономический и жила в общежитии при университете, чтобы не мотаться из Туманной Лощины в Черногорск. Но сестра внезапно заболела и слегла дома. Как говорится — родные стены лечат.

Я закрыла окно, о которое беспощадно бился ветер, взбила цветастую подушку, погасила свет и легла в постель, подтянув теплое верблюжье одеяло. Сладко зевнув, я погрузилась в глубокий сон.

Среди ночи до меня донесся слабый шепот, которому я не позволила себя разбудить:

— Спустись. Спустись ко мне, не бойся. Я тебя жду.

Глава 2

Страшилкиот Гренкина

— Девки, чего такие кислые? — у нашей парты материализовался Стас Гренкин. — Где потерялся твой любимый Ермоленко?

Неизменно белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, темные зауженные брюки, чистые ботинки и нечто странное на голове. Копна зачесанных кверху каштановых волос Гренкина поблескивала в свете люминесцентных ламп.

— Он больше не мой, — уклончиво ответила я.

У Ленки и Стаса разом вытянулись лица. Недолго думая, Гренкин развернул стул и уселся, перекинув ногу, сложил руки на спинку и изобразил внимательную физиономию.

— А ты мне не говорила, — Ленка обиженно на меня покосилась.

Я лишь махнула рукой.

— Мы расстались вчера, но все в порядке. Я нисколько не расстроена, — я задумчиво провела пальцем по подбородку. — Хотя нет, по правде говоря, я очень расстроена.

— Да уж, неожиданно, — сказала Ленка. — Кто кого бросил?

— Угадай, — выдохнула я.

— Он тебя? Ну и фиг с ним, козлом. Такую девчонку потерял! — выдала Ленка, хлопнув по парте рукой с увесистыми посеребренными кольцами.

Стас фыркнул.

— Я рад, что вы разбежались. Он мне никогда не нравился.

— Потому что обозвал тебя в третьем классе жирным пончиком? — усмехнулась Ленка.

— Да, потому что он обозвал меня в третьем классе жирным пончиком. Но давайте не об этом. Слышали новость?

Под партой меня противно ущипнула Ленка:

— Ты видишь то же, что и я?

Руки подруги прикрывала прозрачная блуза, пышный бюст стягивал тугой черный корсет. Короткая юбка прикрывала одну треть ляжки, подчеркивая длинные ноги в громоздких ботинках поверх черных высоких носков. Огненно-рыжее каре Ленка вымыть забыла, но это лишь добавило эксцентричности ее волевой натуре.

— Очевидно, да, — хихикнула я, глянув на волосы нашего друга-ботаника.

На всю школу наш одиннадцатый класс был единственным и составлял двадцать два ученика. Не густо, но вполне комфортно. Как такового расслоения в коллективе на «крутых», «лузеров» и «вундеркиндов» у нас не было, просто каждый общался с теми, с кем ему приятнее. И привычнее. Поскольку одним и тем же составом мы шагали из класса в класс. Так вышло, что еще в начальной школе мы — я, Ленка Зими́на и Стас Гренкин — сдружились на почве любви к чтению: втроем мы часами зависали в библиотеке, вместе делали домашнюю работу и гуляли по вечерам.

Гренкин осекся и с прищуром на нас посмотрел:

— О чем это вы?

Не сдержавшись, мы с Ленкой хихикнули.

— Ты спутал мусс с градусником и вылил на волосы ртуть? — уточнила Ленка.

Стас хмыкнул.

— Остроумно, Ленок, ты в своем репертуаре.

— Я еще даже не начинала, — щелкнула розовой жвачкой Зими́на.

Я нетерпеливо поерзала на стуле.

— Давайте ближе к делу. Стасик, что ты хотел рассказать?

Гренкин сменил ухмылку, которую посылал Зиминой, на строгое выражение лица и, согнувшись, приблизился к нам. Не желая быть подслушанными, мы с Ленкой тоже наклонились к Стасу. Воздух между нами наэлектризовался и приобрел запах тайны.

— Короче, — прошептал Гренкин. — Помните случай, когда один паренек из нашей школы внезапно стал вести себя странно и...

— А, ты про Димку-дурачка? — перебила Ленка.

— Нет! — шикнул Стас. — Что за дурацкая привычка перебивать неверными предположениями? Во-первых, это был не Димка, а Вовка, во-вторых, он умер в восемнадцать. Его сбила машина, когда ночью он остановился на дороге и начал считать мушек. А было это лет десять назад. Ты еще тогда под стол пешком ходила.

Ленка закатила глаза.

— Какая печальная история, — протянула я, представляя несчастного больного.

— Проехали. В общем, паренек этот учился в нашей школе, а затем пропал. Не помню даже, окончил он одиннадцатый класс или нет, но лет ему было примерно, как нам сегодня. Ходили слухи, что отец отвез его в черногорскую психиатричку, где он лечился то ли от шизофрении, то ли еще от чего. И вроде он нормальный потом вернулся, работал даже в магазине бытовой техники. А потом началась череда «несчастных случаев».

На последней фразе Стас изобразил кавычки, выдержал паузу и, когда мы с Зиминой синхронно кивнули, продолжил:

— Люди тогда ни с того, ни с сего из окон выпрыгивали, калечили друг друга и самих себя, устраивали пьяные разборки, а страшнее всего, что уголовники выбирались из тюрьмы, которая в десяти километрах от Туманки, заваливались к нам с битами, запугивали местных, чтобы что-то с них поиметь. Или поиметь кхм-кхм их самих. Жутко, правда?

— Чушь. Не верь ему, Златик. Гренкин снова начитался ужастиков.

— Нет, подожди, несколько лет назад я слышала, как мои родители обсуждали череду несчастных случаев и странного поведения людей. Помню, папа переживал, как мы с Владкой будем до школы добираться. За ручку нас водил первое время. Мама более толстокожая в этом плане, она посчитала, что это все бред. Только вот, причем здесь этот сумасшедший парень, якобы из нашей школы? — проговорила я, стараясь не выдать волнение в голосе. Подобные темы меня знатно пугали.

Зиминая вынула из сумки газировку и шумно отхлебнула. Вероятно, ей тоже было некомфортно. Царивший вокруг нас галдеж стих, как только в кабинет вошла Тамара Васильевна, учитель по алгебре, и принялась выкладывать на стол содержимое сумки.

— А то, что этот спятывший тип внушал людям, *что*они должны сделать.

— Гипнозом занимался, типа? — Ленка качнулась на стуле и снова смачно шелкнула жвачкой.

Поправив кудрявые бледно-серые волосы, напоминающие мягкое облако, Тамара Васильевна нахмурилась, глядя в нашу сторону. Зиминая перестала качаться и прикинулась паинькой.

— Ну да. То есть он просто что-то говорил человеку, а тот шел и делал. А потом не помнил, *что*было в этот промежуток времени. Батя мне рассказывал про одного мужика, который вообще никогда не пил. Тот наакался в баре, перебил всю посуду, что под руку попала, перевернул столы, швырнул стул в бармена с такой силой, что распорол ему живот ножкой и...

— Ага, «распорол живот ножкой». Это ж какие у стула ножки должны быть? Или какой бросок? Ой, Гренкин, вечно ты со своими баснями. Не мог пьяный такое натворить, — протянула Ленка с сомнением.

— Мог! В том-то и дело, что мог. И сделал. А потом, когда очнулся в обезьяннике, на вопрос «зачем?» он ответил, — Гренкин закатил глаза, вытянул подбородок и похоронным голосом, растягивая слова, произнес: — «Мне приказали».

— И приказал тот тип? — Ленка отколупнула красный лак с короткого ногтя.

— Бинго! Зимина, у меня для тебя хорошая новость! Твои извилины наконец-то начали работать.

Я глянула на подругу, самозабвенно ковыряющую ногти, и расхохоталась. Наткнувшись на не предвещающий ничего хорошего учительский взгляд, я смущенно пробормотала извинения.

Громкий звонок прервал нашу беседу. Стас развернул стул и повернулся к нам полубоком.

— Верить или не верить, решать вам, девки. Главное — будьте начеку. Остерегайтесь незнакомцев. Потому что тот псих где-то рядом. БУ! — Стас скорчил страшную мину.

Я подпрыгнула на стуле, Ленка пробурчала: «Придурак», а Тамара Васильевна зычно прогремела на весь кабинет: «ГРЕНКИН! К ДОСКЕ!», после чего класс погрузился в тягучую тишину.

Вернувшись домой, я первым делом направилась к Владе. Из приоткрытой двери доносились негромкие звуки.

— Привет, — я вошла к ней и плюхнулась в мягкое кресло. — Как ты?

Сестра сидела на кровати, обложившись подушками, жевала бутерброды с творожным сыром и красной рыбой, и следила за происходящим на экране ноутбука. Ее волосы цвета перспелой малины были собраны в небрежный хвост на затылке, крупные очки в квадратной малахитовой оправе сползли к кончику носа. Пухлые губы сильно обветрились и схватились кровотокащей коркой, будто татуажем. Под карими глазами залегли болезненные тени. Встретив мой пытливый взгляд, Влада поправила очки и небрежно бросила:

— Лучше, чем вчера, — она сняла рыбку с хлеба и положила ее на язык. — Иногда бывает приятно болеть. Можно весь день валяться в кровати, набивать брюхо и смотреть сериалы. И ни-и-и-кто ничего тебе не скажет!

— И что же мы смотрим на этот раз? — не желая мучить изнывающий от голода желудок, я подхватила бутер с тарелки.

— «Мотель Бейтса». Крутой триллер. Здесь сынок-подросток, симпатичный такой парнишка, но чокнутый на всю голову, живет вдвоем с матерью. Днем в школу ходит, а по вечерам в подвале умерщвляет животных и делает из них чучела. И ему это занятие настолько пришлось по душе, что он перешел на людей, — Влада хохотнула.

Я слизала с пальца творожный сыр и приподняла брови:

— Ужасно. Нет, я лучше что-нибудь о любви.

— Фи, скука.

И тут я очень вовремя вспомнила вчерашний шепот под окнами нашего дома.

— Кстати о триллерах! Вчера ночью слышала, как кто-то шепотом просил кого-то спуститься вниз. Тебе об этом что-нибудь известно?

От меня не укрылось замешательство, скользнувшее по лицу Влады. Однако она быстро приняла скучающее выражение лица, и вяло произнесла:

— Я спала как убитая.

Несколько секунд мы не прерывали зрительный контакт. Влада сдалась первой, отведя взгляд в экран. Ее ответ мне решительно не понравился. Владу я знала, как саму себя, и была уверена, что она солгала. В воздухе разлилось напряжение. Очевидно, сестра не стремилась продолжать диалог. Я поднялась с кресла, оставив под собой примятое клетчатое покрывало.

— Ты в бассейн идешь сегодня? — будто невзначай спросила Влада.

И на душе сразу стало теплее. Я мягко улыбнулась:

— Да. Пришлю тебе фотки в своем новом голубом купальнике.

Влада подмигнула:

— Заметано.

Бассейн «Баттерфляй» был единственным на всю Туманку. Плавать мы начали в прошлом месяце вместе с Ленкой, но продолжила я одна.

Ленка — человек-спичка — быстро загорается и моментально сгорает. Ее увлечения меняются чаще, чем трусы. Я же — приверженец традиций, и если что-то начинаю, то стараюсь доводить до конца.

Перекинув спортивную сумку через плечо, я направилась к остановке. Погода стояла серая, но теплая. Автобус приколесил довольно скоро и резво доставил меня до спорткомплекса. Надеюсь встретить знакомые лица, я сильно удивилась, увидев пустой зал.

Позади раздались неспешные шаги. Я обернулась.

— Приветствую вас, Злата, — расплылся в улыбке крупного телосложения, высокий, и весь какой-то белый, похожий на альбиноса, тренер по плаванию.

— Здравствуйте, Павел! Очень странно, что никого нет. Обычно в это время битком Где же народ? — от мысли, что придется вернуться домой, меня наполнила тоска.

Ох, как же я не люблю тратить время попусту! Однако тренер улыбнулся еще шире, отчего между верхних зубов засверкала щербинка.

— Да много было с утра и в обед, потом поразбежались все, — он развел руки в стороны. — Но вы не бойтесь, вы не одна. Я всегда здесь, — он покосился на выход. — В тренерской.

— Хорошо! Тогда приступлю к занятию.

Я подтянула сумку на сгибе локтя и прошла мимо Павла, держа курс в сторону раздевалки и душа. Мой затылок жег неприятный взгляд. Шагнув в женскую раздевалку, я закрыла дверь на щеколду, поставила сумку на лавку и шумно выдохнула, приложив прохладные ладони к горящим щекам.

— Тебе просто показалось, Златка, просто показалось, — успокоила я саму себя.

В самом деле, почему я должна бояться Павла? Он же ничего такого не сделал. Подумаешь, желающих поплавать нет. Это же прекрасно! Целая дорожка в моем распоряжении. Может быть, в одиночестве у меня получится расслабиться и позволить воде принять меня?

Скинув кеды, я стянула джинсы и толстовку, избавилась от нижнего белья и облачилась в раздельный купальник сочного голубого цвета с тремя розами на ляпочке и одной розой на трусиках. Собрала волосы в объемный пучок, закрепив невидимками, сунула ступни в сланцы через палец, подхватила полотенце и пошлепала в душ.

Все-таки хорошо, когда никого нет и кабинки пустые. Так я пыталась успокоить свое расшалившееся воображение. Ступая по гладкой белой плитке, я с неудовольствием ощущала себя под наблюдением. Хотя только моя фигура отражалась в темно-серой, почти черной, глянцевой стене, мое сердце подскакивало от любого звука, разносившегося по воде.

Оставив полотенце на лавочке, я освободилась от сланцев и, подойдя к лестнице, позволила теплой воде, отдающей хлоркой, пощекотать мои ступни. Медленно погружаясь в воду, отпустила поручень и, оттолкнувшись, раздвинула воду руками. Я старалась плыть как можно мягче, однако все равно наделала брызг. Но даже они не помешали заметить мелькнувшую в коридоре мужскую тень.

Глава 3

«Баттерфляй»

С детства я боялась утонуть. Как бы отец ни старался, у него не получилось научить меня плавать. Я любила воду, но не доверяла ей. Летом мой страх усугублялся — когда все булты-хаютя в теплой речке, а ты стоишь по пояс в воде и боишься сделать еще один шаг, ведь где-то там пропадает дно. Неуверенно продвигаешься вперед, и опасения накрывают тебя с головой. Барахтаясь и проглатывая мутную воду, впадаешь в панику и клянешься, что никогда больше не полезешь в воду. В темную травянистую воду, по поверхности которой плывут водоросли, березовые сережки, танцующие стрекозы.

Я до сих пор плаваю только там, где есть дно. Это успокаивает и помогает расслабиться.

Лежа на спине, я смотрела в потолок, освещенный множеством мелких светильников. Единственная поза, при которой мое тело покидает скованность. Только так удается забыть о фобии, позволить голове отключиться. И пусть моя голова вымокла до корней волос, у толстовки глубокий капюшон, а до остановки я дойду быстр...

Сквозь воду, наполнившую уши, просочилось громкое покашливание. Вздвогнув, я приняла вертикальное положение. Влажные волосы, собранные в пучок, распались, плавно опустились на влажные плечи.

— Я это, — замялся Павел, и мелкие глазки на крупном мясистом лице забегали по сторонам, то и дело возвращаясь к верхней части моего купальника. — Если что, ты обращайся, Злат. Я научу тебя плавать. Ты же еще не научилась пока, да?

Мои щеки загорелись. Я обвела взглядом пустое помещение. Почему человек чаще всего оказывается один в неприятной ситуации?

— Эм-м-м, — протянула я, подбирая слова. — У меня неплохо получается, вроде бы. Но спасибо, я буду, — я закивала головой, точно болванчик. — Буду иметь в виду.

Павел хмыкнул и оттянул ворот белой футболки с надписью «MAFIA». Мое сердце затрепыхалось так сильно, точно вознамерилось выброситься вон. Задохнувшись от сбившегося дыхания, я непроизвольно приоткрыла рот, стараясь дышать размеренно.

— Ну... ну хорошо, ладно. Знаешь, ты... Ты зайди ко мне после того, как закончишь, okay? Выдам тебе расписание на следующую неделю.

Я кратко кивнула и прошептала:

— Хорошо.

Расписание? Какое еще расписание? У меня абонемент с круглосуточным доступом к бассейну, сауне и тренажерному залу. Долю секунды Павел топтался на месте, после чего, приняв какое-то решение, двинулся к выходу.

Чувствуя себя пленницей в огромном безлюдном здании, я, ступая по гладкому дну, добралась до бортика, схватилась за него обеими руками и, подтянувшись, села. Плавать больше не хотелось. Спустила ноги, надела сланцы, забрала с лавки полотенце и обмоталась им, точно металлическим щитом. Никогда прежде я не чувствовала себя настолько беззащитной.

Оказавшись в раздевалке, заперла дверь изнутри, подлетела к шкафчику. Непослушными пальцами стянула мокрый купальник и, забив на душ, насухо обтерлась полотенцем. В ускоренном темпе надела на себя одежду, бросила в пакет мокрые вещи, заметив оторвавшуюся голубую розочку с купального бюстгалтера. Жаль, купальник-то совсем новый.

Часы показывали начало пятого, а пустой желудок напоминал о себе звучным урчанием. Обдумывая идти или не идти в тренерскую, я, ругая себя за беспросветную тупость, завернула к ней и опустила ручку двери.

Внутренний голос завопил:

Зачем? Зачем ты туда идешь?! Тебе неясны его намеки?

Таких дур, как ты, в фильмах убивают первыми.

— Можно? — пролепетала я, в одежде чувствуя себя более защищенной, чем без нее.

— А-а-а, Злата, ты уже все? Как быстро, — Павел отложил ручку, которой делал записи в своем планере и поднялся. — Так что насчет моего предложения?

Мое сердце вновь пустилось в галоп.

Зачем надо было заходить к нему? Почему нельзя было просто уйти?

— Если честно, у меня нет возможности оплачивать индивидуальные занятия.

Павел хлопнул в ладоши. На его лице растянулась та же отталкивающая улыбочка.

— О, это вовсе не проблема! Мы можем заниматься просто так.

На моих руках волоски встали дыбом. Я набрала в рот воздуха, намереваясь возразить и пойти на отступление, параллельно с чем мой мозг пытался разобраться, что меня, кажется, пытаются заинтересовать в том плане, о котором я бы и не помыслила. С языка готовились сорваться реплики о непристойности предложения, о том, что я несовершеннолетняя и, в сущности, ребенок, и вообще все это настолько дико, что ноги моей не будет в этом проклятом бассейне, как вдруг дверь тихонько стукнули.

Я сглотнула тугой ком в горле и повернулась туда, куда застывшим взглядом смотрел Павел.

На пороге стоял молодой человек ростом около ста восьмидесяти сантиметров. На нем был темно-бордовый спортивный костюм, обтягивающий широкие плечи и крепкие руки. На ногах черные с серебристыми вставками кроссовки, абсолютно чистые, несмотря на лужи на улице. Спортивные часы плотно охватывали запястье левой руки, в правой он вертел связку ключей. Я обратила внимание на его пальцы — они были красивыми. Кепка, почти полностью скрывающая волосы, была надвинута на брови. *Почти*, потому что несколько пепельных волнистых прядей выбились из-под нее, обрамляя виски. Сделать вывод о глазах было затруднительно из-за прямоугольных светооржающих очков, так что в них я видела только себя. Нос прямой, с горбинкой, верхняя губа больше и пухлее нижней. В облике незнакомца было что-то несуразное, хотя на первый взгляд одет он был обычно. Возможно, неправильным казался едва уловимый сладковатый аромат — скорее женский, нежели мужской. От него веяло сиренью, что заставляло присмотреться к незнакомцу внимательнее.

Молодой человек, качнувшись с пяток на носки, сделал шаг вперед, войдя в кабинет. В помещении сделалось тесно. Ключи с лязгающим звуком закружились на его указательном пальце, губы изогнулись в усмешке:

— У-у-упс, — он пожевал то, что было у него во рту. — Салют! Я, кажется, типа, э-э-э, — снова усмехнулся, приподняв один уголок губ. — Перепутал с уборной.

Я повернулась к Павлу. Тот буровил взглядом вошедшего, явно испытывая нервозность.

— Туалет дальше по коридору.

— А-а-а, — протянул незнакомец. — Тепе-е-ерь я понял. Я все-все-все по-о-онял.

Он развернулся было к выходу, но вдруг передумал и снова обратился к Павлу, ткнув в его сторону пальцем:

— Мне нужно с вами кое о чем перетере-е-еть...

Манера растягивать слова настораживала не только меня, но и тренера. Замешкавшись, он посмотрел на меня глазами, в которых разгорался... страх?

— Кхм-кхм, Злата, вы свободны.

— А как же расписание? — зачем-то спросила я, отметив дрожь в собственном голосе.

— Расписание? Это не к спеху, — напряженно ответил Павел, буравя взглядом незнакомца. От меня не укрылись бисеринки пота, выступившие у тренера на лбу.

Я поправила на плече спортивную сумку и кивнула, глядя на обоих мужчин по очереди:

— До свидания.

— Увидимся, — пробубнил Павел.

Незнакомец загораживал проход, поэтому мне пришлось его обойти. Поравнявшись плечами, он немного склонил голову в мою сторону и негромко произнес:

— Там до-о-ждик собирается, понадобится зонтик.

Я ощутила аритмию и поспешила к заветной двери, намереваясь оказаться подальше от выросшего на отшибе Туманки, пугающего «Баттерфляя».

Павел чувствовал себя неуютно в компании странного паренька в кепке. Павлу всегда доставляли дискомфорт люди, не снимающие солнцезащитные очки во время разговора. Как бы сказала его матушка, это моветон! А этот еще и в кепке. В помещении! Павел фыркнул, всем видом выражая отвращение. Ниже его на две головы, зато гонору, гонору! Ну, ничего, Павел поставит на место этого напыщенного мудака. За свои тридцать семь лет он чего только не повидал. И вообще, что чудик себе позволяет?

— Вам следует поторопиться, если вы что-то хотели. У меня очень много дел, — подчеркнул Павел с ноткой раздражения в голосе.

Парень в кепке вяло двинулся к нему. Режущие слух ключи он бросил в стоящее в углу пыльно-зеленое кресло, отчего Павел едва заметно вздрогнул. Вошедший обошел стол, заваленный бумагами, за которым несколько минут назад корпел тренер, и вплотную приблизился к нему. Павел оцепенел и отступить не смог.

— О-о-очень много де-е-ел, — иронично повторил паренёк, качая головой, и вдруг звонко рывкнул: — Я НЕ ЗАЙМУ У ТЕБЯ МНОГО ВРЕМЕНИ! — и, с довольной улыбочкой глядя на парализованного шоком тренера, вполне миролюбиво добавил: — *Обещаю.*

Павел, мягко говоря, ошеломлен. Его мозг перестал функционировать должным образом, мысли лихорадочно закружились. Что делать в момент опасности? При терроризме — спрятаться и не шевелиться, притвориться мертвым либо спастись бегством, при пожаре передвигаться ползком, закрыв нос влажной тряпкой, при наводнении — плыть на выход (шутка), а сейчас что делать? Но Павел не мог понять, что именно происходит *сейчас*. Какой-то наркоман пристал или кто? Однако довести до логичного состояния свою мысль тренеру помешали.

Паренёк плотоядно облизнулся и манерно проговорил:

— Я тут... мимо проходил. И кое-что мне не понра-а-авилось. Знаешь *что*? — не давая Павлу раскрыть рта, он тут же сказал: — Мне не понравилось, как ты на нее смотриш-ш-шь.

Павел, словно рыба, выпучил глаза:

— На кого?

В воздухе повисла пауза. Казалось, своим вопросом Павел разбил неведомую теорию чудака одним махом. В глубине души Павла принялась разрастаться гордыня, которая была стремительно пресечена на корню: незнакомец залиvisto расхохотался.

— А ты арти-и-ист!

Павел сглотнул тугой ком, вставший поперек горла. Паренёк хохотал все громче и громче, хлопнул себя ладонью по ноге и согнулся пополам. Тонкие губы Павла непроизвольно растягивались в улыбке, когда он наблюдал творившийся перед ним концерт.

Незнакомец перестал смеяться и резко выпрямился. Теперь на его лице не было и тени улыбки. Он плавно поднял руку и ткнул пальцем в сторону выхода из кабинета.

— На девоч-ч-чку. Ее шокола-а-адные волосы так эффектно рассыпались, когда она купа-а-алась, что я испугался за тебя, приятель.

— Не понимаю, о чем вы.

Паренёк махнул рукой и быстро произнес:

— Да все ты понимаешь, тупая скотина. Засматриваешься на школьницу, гнида. Ради нее бассейн освободил, якобы на чистку, а? — он максимально приблизился к тренеру, взяв его мясистое лицо в свои ладони, и проорал: — ОТВЕЧАЙ?!

Горячая волна паники прошла по венам Павла. Он разом вспотел и часто задышал.

— Н-н-нет-нет, что вы. Ни-ничего подобного. Д-даже не помыслил. Ч-что вы.

Незнакомец брезгливо отдернул руки и метнул взгляд на наручные часы. Цокнул языком, разочарованно вздохнул и спокойно, в присущей ему манере, сказал:

— Конечно, я не смогу *ка-а-аждый ра-а-аз*быть рядом с тобой, чтобы напоминать, ка-а-ак следует себя вести с молодыми девочками, но! — незнакомец, оказавшись в нескольких сантиметрах от лоснящегося носа Павла, сорвал с себя очки и вперился пронзительным взглядом в ошалевшие глаза инструктора. — *Ты будешь контролировать себя сам. ФОКУС!* — паренёк опустил руку на темечко Павла, который задрожал как осиновый лист. — *Как только ты неприлично помечаешь о Злате или другой юной деве, то-о-о... воткнешь в свой правый глаз, скажем, зубочистку? У тебя ведь есть зубочистки?*

Павел, шумно сглотнув, кивнул.

— Чудно! — незнакомец весело улыбнулся, нацепил очки и направился к двери, по пути забрав ключи с кресла.

На пороге он обернулся, помахал рукой на прощание и воскликнул:

— О-ревуар!

Глава 4

Новаянеприятность

Мама, примчавшаяся в девять вечера с работы, накормила нас разогретой вчерашней курицей, после чего занялась готовкой на завтрашний день. Ее волосы, собранные в хвост, растрепались и съехали вбок. В старенькой пижаме глубокого синего цвета она выглядела еще более уставшей.

Отец тоже был не в лучшей форме. Пару раз в неделю по вечерам он давал несколько кругов по стадиону и являлся домой мокрый от пота, но бодрый. Сегодня же он буквально ввалился в двери, морщась от боли. Оказалось, во время пробежки он столкнулся с самокатчиком, тот протаранил отцу ногу. От колена до стопы нога сильно опухла, в месте ушиба алела свежая ссадина, наливался жирный синяк.

— Надо же было такому случиться, прямо перед страховкой и налогом на дом! — сокрушался отец, отправляя в рот подкопченное куриное мясо.

— Как по закону подлости, Толь, — поддержала папу мама.

— Да уж. Осень — самое затратное время, — пробормотала Влада, отрешенно глядя в пустоту.

Болезненная бледность сошла с лица сестры, но поведение ее все равно оставалось пассивным. Она мало ела, мало говорила, мало двигалась. Это было на нее не похоже. Обычно Влада во всем старалась быть первой. Ее стремление быть на виду не раздражало, а, наоборот, подстегивало меня отлично учиться, хорошо играть в теннис, научиться плавать и вообще все, что я делаю, делать наилучшим образом. Вероятно, во мне пробудился «синдром отличницы». Однако же теперь Владу вовсе не беспокоили пропущенные пары, звонки от куратора, обеспокоенные взгляды родителей. Казалось, ей ни до чего не было дела. Жизнь замкнулась на позиции — лежать, лежать и еще раз лежать. И иногда есть.

После освежающего душа, я переделалась в ночную рубашку большого размера, надела плюшевые носки и вошла в комнату Влады. Она валялась в кровати, тупо уставившись в монитор ноутбука.

— Все еще смотришь сериал? — спросила я, усаживаясь в кресло.

— Неа. Просто убиваю время.

Я внимательно посмотрела на сестру. Она никогда не «убивала время». Каждую минуту она была занята. Влада не могла позволить себе посмотреть телик или поиграть в комп, потому что у нее в сутках было так же, как у всех, всего лишь двадцать четыре часа. Порой я сравниваю нас и прихожу к выводу, что мы чрезвычайно похожи характером.

— Как температура?

— Нормальная. Тридцать семь и два.

Я с облегчением улыбнулась:

— Это тебя Михаил Иваныч на ноги поставил.

Влада хмыкнула. Из-под смятого одеяла выглянула нога в черных лосинах.

— Вовсе нет, не люблю таблетки.

— А как тогда жар спал?

Влада безучастно пожала плечами и принялась кликать беспроводной мышкой. Она меня явно выпроваживала.

— Сам по себе.

Кивнув, я перевела взгляд на комнату. Коричневые жалюзи были полностью опущены, поверхность комода, стоящего у окна, завалена косметикой, книгами и грязными кружками.

Подвесное зеркало покрылось пятнами и пылью, пуфик опрокинулся и лежал у стены. Одна дверца шкафа была закрыта, а другая болталась открытой, являя взору беспредел, творившийся внутри. Письменный стол, ранее всегда пустой и опрятный, завалила куча вещей.

Я приподняла брови и еще раз посмотрела на сестру. Что-то с ней происходило. Но что?

— Слушай, Владик, с тобой точно все в порядке? — робко спросила я, стараясь не ляпнуть лишнего.

А ведь еще несколько дней назад я рассказывала сестре обо всем, не думая, и говорила так, как желало мое сердце. Теперь же между нами явственно ощущалось напряжение. Будто в подтверждение моих мыслей, Влада перевела на меня взгляд, показавшийся неприязненным, и сухо произнесла:

— Что ты имеешь в виду?

Холод ее глаз будоражил. Находиться в этой комнате стало неудобно, отчего я, медленно поднимаясь, произнесла:

— М-м-м, просто у тебя здесь так много всего, — я обвела рукой беспорядок в шкафу и на столе. — Могу помочь убрать. Или вымыть вон те стаканы.

Влада пробурчала:

— Не надо, — и вновь уткнулась в монитор.

Ощущая неприятный осадок, я вышла из комнаты, бесшумно прикрыв дверь.

В начале двенадцатого окна во всем доме погасли. Я дернула за веревочку тусклого ночника, закуталась в пышное одеяло и, сладко зевнув, постепенно погрузилась в глубокий сон.

Только вот среди ночи проснулась от неприятного скрежета. Будто кто-то царапал оконный отсек. Не желая просыпаться, я накрылась с головой, прогоняя неприятный звук.

Утром столкнулась сразу с двумя плохими новостями — у Влады вновь поднялась температура, а отец не смог подняться с постели — его нога раздулась и стала слоновьей. Я намеревалась остаться дома, чтобы помочь матери, но та вытолкала меня за дверь:

— Сейчас придет доктор Козлов! Иди в школу, я сама справлюсь.

Пришлось идти.

Первым, кого я встретила в школьном гардеробе, был Федя. С его лица сошла улыбка, стоило мне появиться на пороге. Одноклассницы, Вика и Дина, метнули в меня презрительные взгляды, пригладили длинные черные волосы и с лебединой грацией прошли мимо. Острый локоть Дины «случайно» ткнул меня в ребро. Я тихо охнула, но значения придавать не стала. Мне с двойняшками делить было нечего и некого.

Я повесила светло-серую куртку на крючок, взяла сумку, глянула на себя в зеркало — песочная блуза с воротничком-стойкой и темно-медовая юбка выше колена неплохо сочетались с аккуратными замшевыми мокасинами. Я поправила на шее тонкую золотую цепочку с подвеской в виде маленького бледно-розового кварца и двинулась к выходу, стараясь не смотреть в сторону бывшего парня. В нос ударила смесь ели и чего-то терпкого, но приятного. Лишь на мгновение задержалась возле Феди, покосившись на серый джемпер, обтянувший тугие мышцы спины. Мы встретились взглядами, от чего в моей груди болезненно дрогнуло.

— Привет, — голос Феди прозвучал непривычно сухо.

Неужели мы на самом деле расстались? День назад он целовал меня в губы на прощание.

Подавив растущую горечь, я пробормотала «привет» и засеменила к выходу.

Перед глазами мелькало проведенное вместе время: мы с Федей устроились на лавочке в сквере, жуем жирные, вкусные чебуреки; целуемся в парке аттракционов; Федя положил крупную руку на мою ягодицу, отчего я испытала дискомфорт и стыд — вдруг кто увидит; мы играем в теннис, Федя выигрывает со счетом 5/3; мы чистим пораженный сорняками огород семьи Ермоленко, пока его отец выкуривает на крыльце одну сигарету за другой.

Ничего по-настоящему романтического между нами и не было. Кроме поцелуев и нечастых прикосновений.

Незадолго до расставания Федя взял меня за руку, но сердце мое билось равнодушно. А как же «бабочки в животе»? Волнующий жар? Я утешала себя простыми доводами — мы переросли период трепетного отношения друг к другу, поскольку наша дружба брала начало в детстве, но серьезный оборот приобрела лишь этим летом.

Выходит, я не питала глубоких чувств к Ермоленко?

В рекреации замаячили фигуры Гренкина и Зиминной, и я поспешила к друзьям, стремясь оставить печаль позади. Новый день — новые возможности. И пусть Федя Ермоленко разбил мое сердце, пусть он не стал любовью всей моей жизни, я не буду делать вид, что его нет, что он ничто для меня. Он по-прежнему хороший парень, добрый, красивый, но уже не мой.

Мой горестный всхлип смешался с гулким звонком и топотом ученических ботинок, разбегающихся по кабинетам. Жизнь идет, жизнь продолжается. А прошлое пусть останется в прошлом. Я сморгнула тоскливую слезу и едва заметно улыбнулась.

Михаил Иванович тяжело опустился на стул, что скрипнул под тяжестью докторского веса, смахнул со стола невидимую пыль, вынул из верхнего ящика тонкую стопку бумаг и положил перед собой. В последнее время его с головой завалило работой, так что выделить время на чаепитие с женой, принятое в их семье, он был не в состоянии.

Ощущая возрастающее чувство вины перед супругой, ожидающей его в гостиной на первом этаже с кружками свежесваренного чая с чабрецом и лимоном, горячим рыхлым пирогом с капустой, доктор, сглотнув горечь во рту, взял трубку стационарного телефона.

Спустя пару гудков, ухо доктора зазвенело от голосистого собеседника:

— «Черногорский психоневрологический диспансер», оператор Наталья слушает.

— Добрый день, Наталья. Не могли бы вы соединить меня с кабинетом главного врача?

— А кто спрашивает?

— Козлов Михаил Иванович. Я врач из близлежащего поселка.

Трубка замолчала.

— А по какому вопросу? — неуверенно пробормотала Наталья.

Ее голосистость испарилась за миг, уступив место кротости и напряженности.

— По поводу пациента, который проходил лечение в вашем стационаре, — медленно проговорил доктор Козлов, проглотив раздражение.

В конце концов, почему он должен тратить драгоценное время на объяснения с каким-то навязчивым оператором?!

Как по заказу, трубка снова замолчала.

— Аллю? — довольно громко сказал доктор.

На том конце провода тяжело вздохнули.

— Геннадий Петрович, скорее всего, занят, но попробуйте поговорить с ним. Сейчас перенаправлю вызов.

— Да уж будьте любезны! — проворчал доктор, слушая ничего не значащую музыку.

Через минуту ровный, лишенный эмоций голос произнес:

— Слушаю.

Доктор Козлов снова поздоровался и представился.

— И чем же я могу вам помочь? — спросил главврач все так же безучастно.

Доктор пробежал глазами по листочку перед ним, скрепленному синей печатью и размашистой подписью «Ширименко Г.П.».

— Меня интересует пациент, который наблюдался в вашей клинике в течение четырех с лишним лет.

— Имя, фамилия?

— Шварц Ефим Андреевич, — с расстановкой произнес доктор.

В трубке послышалось перелистывание.

— Да, был такой.

В душе доктора Козлова скользнуло ликование. Наконец-то он приближается к правде! Может, городская психиатрическая лечебница не так плоха, как он о ней думает?

— Очень хорошо! Дело, собственно, в чем. Мальчик, а вернее, уже мужчина, Ефим Шварц был выписан из стационара и направлен домой в Туманную Лошину с отрицательным заключением.

— Ну?

— Вы же понимаете, о чем я говорю? «Отрицательное», — подчеркнул доктор Козлов. — Заключение выдается успешно вылечившимся пациентам. Но Шварц таковым не является.

— Что вы хотите этим сказать? — в голосе главврача мелькнули враждебные нотки.

Доктор Козлов вытянул следующий лист из стопки и положил перед глазами.

— В анамнезе Ефима Шварца прописано, — помимо его личностной характеристики, то есть цвета глаз, волос и прочего, — его поведение. А именно: агрессивность, потеря концентрации внимания, провалы в памяти, изменения тембра голоса, интонации, манеры разговора, походки. Кроме того, эпизодически Ефим Шварц представляется неким Лазарем, которому семнадцать, притом, что Ефиму на момент поступления в стационар было двадцать лет. Лазарь бросается на людей, знакомых ли, родных ли. Говорит странные, порой пугающие вещи. Угрожает, бросается предметами, лезет на стену, наносит себе и другим людям физический урон. А Ефим ведет себя абсолютно спокойно и, можно сказать, миролюбиво.

— Все ясно. Не продолжайте. То, что вы перечислили, у Шварца имело место быть. Но это было раньше. Теперь же он полностью здоров.

— Да нет же!!! — воскликнул доктор, хлопнув по столу. — Как же вы не заметили, что он не в себе?! Он по-прежнему не здоров. Ему требуется, вы слышите меня, *требуется* лечение в стационаре! Его отец, практически дряхлый старик, не может предоставить тяжело больному ребенку должное лечение и уход! Ефима срочно, понимаете, *срочно* нужно определить к вам в клинику! Я требую пересмотра...

И тут трубка взорвалась:

— Требуйте все, что угодно, но мы свое решение не изменим!!! Шварц полностью здоров!!!

Доктор соскочил со стула и вцепился вспотевшими пальцами в телефон.

— Да вы в своем уме, черт подери?! Вы отказываете в помощи нуждающемуся! ВЫ!

— Ну и кто же я?! Скажите! Смелее! — орал в ответ главврач.

Доктор, по обыкновению спокойный, как удав, и чуткий, как мать Тереза, задохнулся от возмущения:

— Вы... вы... вы подонок! Мерзавец! Я подам жалобу на *васи* вашу богадельню в административный отдел...

В трубке раздались частые гудки.

— Подлец! — доктор со всего маху швырнул трубку об стол так, что провод выдернулся из розетки. — Подлец, — уже спокойнее произнес Михаил Иванович, поднимаясь со стула, показавшегося жутко неудобным.

За всю свою врачебную деятельность доктор Козлов не сталкивался с отрицанием очевидного. Он был совершенно уверен в том, что Ефим Шварц страдает диссоциативным расстройством личности. Ефим Шварц имеет две личности. И вторая его часть гораздо, гораздо опаснее мягкого, нерасторопного Ефима.

Доктор открыл дверь и вышел в небольшой квадратный коридор, залитый дневным солнцем. У лестницы его ждала жена.

— Что ты так раскричался, Мишенька? Побереги сердце, оно у тебя слабое. Идем к столу, родной.

Тяжело втянув воздух, доктор схватился за перила и устало проронил:

— Спасибо, душа моя.

Глава 5

«Доброесердце»

Дед Андрей отвел три урока у первой смены. Оставался еще один, вечерний. Физрук вышел из школы, постоял две минуты на крыльце, после чего завел «Митсубиши» и двинулся в сторону дома. В образовавшееся «окно» дед Андрей хотел отдохнуть и поговорить с сыном. Да, главным образом, убедиться, что с Ефимом все в порядке. Тот провел ночь в подвале, что беспокоило физрука больше всего. У него щемило сердце от мысли, что законопослушный пенсионер совершает ужасное преступление против человека. Против собственного ребенка!

Ведя автомобиль по сырой от дождя дороге, дед Андрей принял решение перевести Ефима в его комнату как можно скорее. Он заколотит окно со стороны улицы, чтобы сын его не разбил. Забьет досками, но так, чтобы в комнату попадали свежий воздух и свет. Создаст для Ефима более подходящие условия, а там уже придумает, как вытащить из парня демоническую сущность.

О том, что Ефим страдал психическим расстройством уже восемь лет, и курсы реабилитации ему не помогали, дед Андрей старался не думать. Куда проще списать все на беса, подселенного какой-нибудь местной ведьмой. По телевизору в мистических передачах только о подселенцах и твердят!

Оставив машину в металлическом гараже, физрук вышел на морозный воздух, иглами уколотивший его сморщенное от хронического стресса лицо. Мрачный холодный сентябрь, затянутый серым небом, согнувшиеся от постоянных ветров и дождей деревья, теряющие зеленые листья гораздо раньше, чем было заведено природой в Туманке. Погода не играла физруку на руку. Не улучшала настроение, не подавала надежду на благоприятный исход событий.

Помнится, когда Ефим впервые стал вести себя необычно (ему тогда было восемнадцать), доктор Козлов заметил, что люди с расстройством психики, как младенцы, реагируют на смену погоды. Их угнетает серость за окном, дожди и слякоть, но теплые солнечные дни, яркие краски — цветущие растения, свежий морской бриз или зеленая травка — улучшают самочувствие, помогают вернуть душевное равновесие.

Психически нестабильные люди зависят от многих факторов, известных лишь им самим. Близкие вынуждены подстраивать свою жизнь под больного. Меняться душевно. Иногда и духовно. Становиться чуткими и терпеливыми. Проявлять любовь и не забывать, что больной вовсе не злодей, просто ему плохо. Он страдает внутри себя. Душа его плачет, раскалывается на осколки. А поделаться-то ничего не может. Вот и достается окружающим и ему самому.

Расчувствовавшийся дед Андрей обратил взор на пейзаж, открывающийся за железным коричневым забором. Старое кладбище меньше, чем в ста метрах от не менее древнего дома физрука. И как только его родители решились выстроить дом рядом с тихими соседями?

Когда Ефим окончил школу, дед Андрей определил его в городской колледж, ведь здесь, в поселке, образование, даже абы какое, не получить. Физрук был уверен, что смена обстановки поможет парню, если не забыть, то пережить и принять то, что случилось на выпускном в одиннадцатом классе. Ведь именно после того происшествия с Ефимом стало твориться неладное. А строительный колледж, новые друзья, свеженькие, как недозревшие яблочки, студентки скрасили бы тягостные воспоминания младшего Шварца и позволили бы ему жить обычной жизнью.

Но не помогло.

Парень с трудом окончил колледж — каждый день по телефону он жаловался отцу на голоса в голове, которые диктовали ему, что делать. Ефим считал, что у него открылось ясно-

видение. Он знал такие вещи о посторонних людях, о которых ему, Ефиму, неоткуда было узнать.

Младший Шварц не страдал галлюцинациями, не буянил, вел себя вполне нормально. До тех пор, пока не вышел среди ночи на улицу в одних плавках, без обуви и с зубной щеткой, запутанной в волосах (во время учебы в Черногорске Ефим проживал на первом этаже в «сталинке», которую оплачивал отец). Так вот, семидесятилетняя соседка Ефима, по обыкновению страдающая бессонницей, восседала у окна с кружкой чая и детективом. По иронии, оторвавшись от кипящих книжных интриг, она обратила взор на темную, едва подсвеченную фонарем, улицу, и различила раздетого мужчину, тупо стоящего среди детской площадки. Старческой, но твердой, рукой, бабулька вызвала полицейских, которые прибыли спустя пять минут и скрутили невменяемого.

На вопросы уполномоченного сотрудника полиции Ефим вразумительно ответить не мог. Ранним утром в участок прибыл потрясенный отец. На вопрос: «Зачем ты засунул зубную щетку в волосы, сынок?», ответ получил следующий:

— Хотел расчесаться.

Этой ночью (и следующей, и следующей) парень спал на жесткой койке в «Черногорском психоневрологическом диспансере».

Погруженный в мысли, дед Андрей вошел в дом, хлопнув тяжелой дверью. Он разулся, сполоснул руки и направился к холодильнику, дабы разогреть для сына еду и приготовить лекарство, как вдруг раздался приглушенный стон.

Как громом пораженный, физрук остановился и замер. Слух его не подвел. Через закрытую подвальную дверь проникали все новые и новые звуки. Звуки, издаваемые женщиной. Дед Андрей подумал о своей жене в молодости, которая точно так же мягко протяжно стонала под резкими толчками физрука.

Дед Андрей подошел вплотную к двери, приложив ухо — в подвале определенно что-то происходило. Но как?! Каким образом к ним в дом могла попасть женщина? И тем более, каким образом она могла оказаться в подвале?! Какая нелепость! Этого не могло быть. Как Иисус не может явиться к дед Андрею прямо сейчас, так никто посторонний физически не мог проникнуть в запертый на замок подвал!

И, тем не менее, в своей темнице Ефим был явно не один.

На мгновение физрук допустил мысль, что эти звуки издает сам Ефим, и все, что должен сделать сейчас дед Андрей — не вмешиваться. В конце концов, иногда Ефим становится самим собой. И он молодой мужчина, у которого во всю катушку бушуют гормоны и

— О, да, девочка, вот так хорошо, — раздался приторный голос сына.

Пульс дед Андрея болезненно зашкалил. Ему сделалось невыносимо душно в этом тускло-освещенном коридоре. Он дернул ручку двери, и та беспрепятственно открылась. Не было ни замка, ни ключа. Но дед Андрея это уже не волновало. Он ступил на верхнюю ступеньку и, держась одной рукой за стену, а другую прижимая к грудной клетке, принялся неторопливо спускаться. Дед Андрей не хотел быть свидетелем чужой интимной жизни, он действовал по инерции. Не мог поверить в то, что слышал. И видел. Не мог принять, что запертый сын на его глазах кувyrкается с какой-то девушкой.

Возможно, он мог бы заметить любую деталь, которая бы позволила установить личность барышни, но не успел. Сердце пропустило удар, повернулось, воздух покинул легкие, и дед Андрей провалился в темноту.

— Отец порвал связки на правой ноге, — протараторила мама, громыхая коробками. — Не сможет работать некоторое время. Придется брать сверхурочные.

— Кошмар, — вздохнула я.

Мне стало жаль маму, которая снова отдувалась за всю семью. Как и всегда.

— Что ж теперь. Управимся как-нибудь, — на заднем плане звякнули бутылки. — Ладно, котенок, работать надо. У меня целый склад винной продукции, нужно разобрать.

— Хорошо, мам. Люблю тебя.

— И я тебя.

Я убрала телефон в карман теплой жилетки и с подозрением взглянула на Зимину, спрятавшую волосы под тонкую черную шапку в катышках. На ней мешком висела потрепанная олимпийка, а длинные ноги скрыли бесформенные штаны.

После уроков Ленка заикнулась о «важной миссии», в которой я была обязана поучаствовать. Она окатила меня насмешливым взглядом и велела переодеться «во что-то более удобное, чем *это*» и встретиться через час у высохшего смольного крючковатого кустарника, служившего пугалом не столько для птиц, сколько для малышни. На прошлой неделе школьники ради шутки на верхушку нахлобучили старую ковбойскую шляпу с пером, обмотали ствол рваной кирпичного оттенка простыней, подвязали веревкой, нацепили на длинную согнутую ветку широкий серебристый браслет с отколотыми стразами, да так и оставили до самого мистического праздника в году — до Хэллоуина.

— И какой у нас план? — произнесла я со скучающим выражением лица.

Зимина бросила на меня загадочный взгляд и едва слышно прошептала:

— Скоро узнаешь.

По узкой грунтовой дороге проезжали машины, поднимая столбы пыли. Я поперхнулась и уставилась на подругу, чтобы выразить все, что думаю о ее затее, когда перед нами, скрипя колесами, подминая под себя мелкие камни, остановился древний, как вымершие мамонты, пазик. Зимина шагнула в открывшуюся дверь. Я поспешила следом. Дверь за нами шумно захлопнулась, едва не прищемив объемный капюшон моей молочной толстовки.

— И не жалко тебе для грязной работы светлое надевать? — фыркнула Ленка, со всех сторон зажата пассажирами.

Вцепившись за поручень, я простонала:

— Дорогая, напомни, *когда*ты уточняла, что работа предстоит «грязная»?

Подруга издевательски хохотнула.

— Упс.

Выбрасывая в атмосферу клубы дыма, воня бензином, потом и нервами пассажиров пазик ринулся вперед. Спустя четверть часа мы стояли перед двухэтажным зданием, обшитым сайдингом. Над крыльцом покачивалась от едва уловимого ветра вывеска, на которой крупными буквами значилось «Доброе сердце».

— «Благотворительная организация», — прочитала я выполненную курсивом надпись, следующую за названием. — «Протянув руку помощи, ты сделаешь мир лучше». Что все это значит?

Ленка бросила взгляд на рядом стоящую скульптуру счастливой старушки и улыбающейся девушки. Они держались за руки и излучали радость.

— Златик, не убивай меня, но это фонд помощи пенсионерам и людям, которые не могут ухаживать за собой по тем или иным причинам. На выходных я оставляла запрос на их официальном сайте, и вчера вечером мне позвонили.

— Так, — настороженно сказала я и, несмотря на нехорошее предчувствие, кивком подбодрила Ленку продолжать.

— Ну, позвонили и назначили на сегодня встречу с нашим координатором.

— С *нашим*?

Ленка вздохнула так, будто не могла объяснить пятилетнему ребенку прописную истину.

— Не буду же я одна работать! Вместе веселее. Тем более что ты замкнулась после разрыва с Ермоленко. Вот я и решила тебя приободрить.

— Интересный способ порадовать.

— Зато отвлечешься от Федьки. Представь, какой у тебя будет жесткий график? О парнях некогда будет и помечтать!

Действительно, мой новый «график» выглядел внушительно — до обеда учеба, несколько раз в неделю плавание, а теперь еще и волонтерство. А уроки когда? А дела по дому? Хотя насчет плавания я не была уверена. Все-таки недвусмысленное поведение Павла до сих пор меня терзало.

Мы вошли в просторный холл, отметились у администратора, после чего направились к нужному кабинету. Внутри оказалось просторно, светло и тепло. В воздухе витал аромат кофе и булочек с корицей.

— А, девочки! — к нам подскочила девушка лет тридцати пяти с белокурыми пружинистыми кудряшками, тонкими бровками и доброжелательной улыбкой.

Несмотря на выраженные круги под глазами и морщинки возле губ, она излучала спокойствие и доброту. На ней была светло-серая растянутая футболка, подчеркивающая объемную грудь и расплывшуюся талию. Полнота придавала координатору особый шарм, делая ее еще милее.

— Меня зовут Маргарита Тихомировна, и я буду направлять вас по задачам. Присаживайтесь, заполним быстренько анкеты. А пока заполняете, я вам обо всем кратко расскажу, потому что времени на разглагольствования нет. У нас бескрайнее количество работы! — скопированной проговорила она, после чего прикрыла за нами дверь и указала на стулья.

Мы уселись напротив Тихомировны, которая ловко вынула из-под стола два чистых бланка, выдала шариковые ручки и четыре договора.

— Два договора с тобой, Лена, и два с тобой, Злата, — куратор подвинула к нам документы. — Девочки, не против, что я на «ты»?

— Нет-нет, не против.

— Нет, что вы.

Хором ответили мы, как два братца из ларца. Тихомировна довольно улыбнулась. Ее глаза источали свет и радость. На душе сделалось легко и спокойно. Удивительно, как одни люди в считанные минуты могут нашу энергию забрать, а другие подарить.

— Итак, девочки. Наша благотворительная организация берет начало в тысяча девятьсот бла-бла-бла году, а этот корпус является филиалом. Из года в год, из месяца в месяц нам нужны волонтеры. Всегда! «Доброе сердце» оказывает помощь пожилым людям и лицам, не имеющим возможности ухаживать за собой самостоятельно. Но не всегда требуется уход. Иногда подопечному достаточно приготовить поесть, вынести мусор, вымыть полы, а дальше он справится самостоятельно. Случаев ухода за лежащими больными у нас крайне мало, поскольку у таких людей есть либо родственники, которые берут на себя заботы о ближнем, либо больные перемещаются в дом престарелых, как бы убийственно это ни звучало.

Очевидно, на наших лицах промелькнула грусть, поскольку Тихомировна тотчас примирительно сказала:

— Не волнуйтесь, у нас есть замечательный дом престарелых, где за подопечными хорошо ухаживают. Но речь не об этом. Вы уже заполнили анкеты? — Тихомировна глянула в наши исписанные листы.

Стараясь не упустить ее быструю речь, я автоматически заполнила строки с именем и фамилией, датой рождения, полом и возрастом, местом проживания. Далее взяла договор и, практически не читая, заполнила его тоже. Договор был небольшим, всего на полторы страницы, но емким. Здесь говорилось о том, что общая продолжительность работы подростка не должна превышать семнадцати часов в неделю, два дня из которой выходные. Прикинув в уме,

что с понедельника по пятницу после школы я буду работать максимум три с лишним часа, убедилась, что неминуемо скачусь на двойки, если продолжу совмещать учебу, работу и плавание. Не удержалась и метнула грозный взгляд на Зимину. Та безмятежно внимала координатору. Я бесшумно вздохнула и пробежалась глазами по нижней строчке «за работу ежемесячная оплата не полагается, только компенсация».

— А компенсация за что? — улучив паузу в наставлениях Тихомировны, спросила я.

— Отличный вопрос! Мы компенсируем вам затраты, которые могут возникнуть при работе с клиентами. Например, старушке, страдающей склерозом, требуется приготовить обед, а у нее пустой холодильник. Представим, что денег у нее нет или она не может их найти. Что делать? Оставим голодной? Нет. Волонтер отправляется в магазин и на выделенную сумму фонда приобретает самые необходимые продукты.

Это радовало — смотреть на голодного человека, не способного себе приготовить, просто бесчувственно, а личных денег у меня может не набраться даже на яйца. Не принято у нас в семье выдавать на карманные расходы.

Затем мы узнали, что работать будем преимущественно в вечернее время.

— Но не ежедневно! Каждый день время пребывания у клиента будет различаться в зависимости от требующейся помощи, но максимальное время составит три часа. Кроме того, вы сможете выбрать объект, который находится ближе всего к вашему дому, чтобы не тратить время на дорогу. Согласны?

Мы кивнули. Дедлайн и сжатые сроки порой открывают «второе дыхание» и позволяют успевать за день гораздо больше, чем в свободный выходной. Может, моя успеваемость вовсе не пострадает?

В конце беседы Тихомировна открыла толстую папку с досье клиентов, к которым постоянные волонтеры не были приставлены. Клиентов было трое — одинокий дедушка, родственники которого жили далеко и приезжали в Туманку раз в три месяца; бабушка и внучка с ДЦП; и возрастной мужчина, с которым приключился инсульт.

Ленка выбрала первого клиента, поскольку его дом был к ней ближе всего. Я замешкалась между вторым и третьим вариантами. Кого же выбрать? Как вообще можно выбрать, кому помогать, а кому нет? Очевидно, обе семьи нуждались в поддержке. У меня защемило в груди. Словно уловив мое смятение, Тихомировна мягко произнесла:

— Злата, не волнуйся. Выбирай третий вариант.

— Почему? — я недоуменно вскинула брови.

— Дело в том, что с девочкой занимаются два взрослых волонтера, которые умеют справляться с тяжелыми подопечными. К людям с подобным диагнозом требуется грамотный подход. Да и помогать часто нужно физически. А ты хрупкая, как первый весенний цветок.

Она тепло улыбнулась. Оставался третий вариант.

— Но хозяин дома находится в больнице, разве нет? В чем заключается помощь?

— У него есть кошка, которую нужно кормить, и цветы в горшках, которые клиенту очень дороги.

Ленка довольно сказала:

— Вот видишь, тебе не придется задерживаться там надолго! Успеешь еще уроки вызубрить.

— Загвоздка в том, что дом располагается вблизи кладбища.

Я потрясенно замолчала. В животе заворочался червячок сомнения. На чем же мне доехать? От меня до кладбища идет один единственный автобус. Это его конечная остановка, значит, ехать я буду почти в пустом или в пустом автобусе. Там у кладбища и домов-то нет!

— Хочешь, поменяемся. Ты приходи к дедуле, он от тебя в пятнадцати минутах ходьбы, а я тогда поеду в дом с кошкой.

Ленка жила с матерью и младшим братом. С Витей подруга носилась с момента его рождения, поскольку отец предпочел семью молодой секретарше. Мама Зиминной получала приличные алименты и имела возможность не работать до трех Витиных лет. К тому же мальчик бесконечно болел. У всех, кто не знал Ленку, мог возникнуть вопрос — зачем становиться волонтером, когда ты целыми днями кружишься с братиком, как белка в колесе? Ответ прост — Ленка, как никто, понимала, насколько тяжело приходится людям без сторонней помощи. Теперь, когда Витьке стукнуло три, и мама отправила птенца в детский сад, у Ленки появилось внутреннее опустошение. Заботиться стало не о ком, а энергии хоть отбавляй. Мама вышла на работу, Витька в садик, а Ленка без дела сидеть не привыкла. Школу за «дело» она не считала. Так и оказалась вовлечена в «Доброе сердце».

И все же Ленке было важнее, чем мне, оказаться дома пораньше — на ней уборка и готовка ужинов. Поэтому я покачала головой и с легкой улыбкой сказала:

— Всегда хотела посмотреть на дом на погосте.

Глава 6

Верёвочная

Ржавая калитка скрипнула, стоило толкнуть ее озябшими пальцами. С покатою крыши тонкой струйкой ниспадали остатки дождя, свежий ветер слабо обдувал мою спину, цеплялся за длинную косу, царапал щеки. Невысокая рябина широкими ветвями, с облетевшими листьями и опавшими ягодами, силилась прикрыть следующий за нею вид на погост. Но его не скрыть, от глаз не спрятать. Вот он — крепкий, мрачный дом, знающий лучшие времена забор, узкая проселочная тропка, высокая трава, односторонняя грунтовая дорога, немного дальше остановка и увенчанные искусственными цветами высокие могучие ворота в мир неисполненных мечтаний, забытых надежд, невыполненных обещаний, неосуществленных планов. Дом скорби и печали.

Я удрученно покачала головой и опустила глаза в каменистую почву. Что я здесь делаю?

Еще на выходе из автобуса, вставшего на дыбы у кладбища, я ощутила тревогу. Серые надгробия, сухая трава, жухлые листья, смешавшиеся с влажной землей, бесцветное низкое небо с плывущими темно-серыми облаками, подталкивали меня сесть обратно в автобус и умотать домой, чтобы забыть, как кошмарный сон, это место и этот день.

Наверное, я была добрым человеком, но, возможно, волонтерская деятельность подходит не каждому. Помогать другим нужно по-настоящему *хотеть*. И быть готовым к трудностям. Готовым оставлять часть себя в чужом доме, отдавать свою энергию чужим людям. Для благотворительности нужно иметь особую душевную организацию. Мало быть просто хорошим человеком. Здесь нужно уметь отдавать и жертвовать ради посторонних.

Но я не могла слинять и подставить Ленку. Хотя и не ожидала, что к работе мы приступим сегодня же, противиться не стала. Надо так надо. Не помирать же кошке с голоду, в конце концов.

Витая в грезах о невыученных уроках, завтрашнем плавании, странном поведении сестры и обо всем вместе взятом, не заметила, как открылась входная дверь. Доктор Козлов и молодой полицейский в форме, сидящей идеально на худощавом, но жилистом теле, замаявшись на мгновение, сошли со ступеней и направились прямо ко мне.

— Добрый день, Злата, — доброжелательно сказал доктор Козлов и бросил косой взгляд на полицейского.

— Здравствуй, — просто сказал тот.

От внезапно нахлынувшего волнения мне сделалось не по себе.

— Здравствуйте, — промямлила я. — Что-то случилось? Меня прислали из «Доброго сердца»

— Волонтером стала? — негромко осведомился доктор Козлов.

Полицейский старался смотреть в сторону, но его морские глаза то и дело возвращались ко мне.

— Да, — сглотнула я, представляя, как буду выдергивать маслянистые Ленкины волосенки из ее рыжей головы.

Ох, Зимица, попляшешь ты у меня завтра. Через день-другой бросишь заниматься благотворительностью, а вот я так не умею. Привыкла все доводить до конца.

— Что ж, я рад, что мы будем работать *с тобой*. Девушка из порядочной семьи. Спокойная, исполнительная. Отличница, — сказал доктор полицейскому, от чего тот одобрительно приподнял брови и кивнул. — А дело вот в чем...

Через несколько минут я, холодными от беспокойства руками повесила жилет на крючок у входной двери.

От того, что поведал доктор Козлов, мне хотелось убраться из этого дома как можно скорее. Мысли путались, смешивались, превращались в вязкую кашу. Сердце возмущенно хлопало, подрагивали кончики пальцев. В горле пересохло, язык прилип к нёбу. Я забывала, как правильно дышать. Чтобы привести себя в чувство, присела на край старого дивана, сцепила руки в замок. У меня было самое большее три часа, чтобы навести порядок и сбежать.

Навести порядок — распоряжение Тихомировны.

Покормить «не совсем обычного взрослого сына учителя физкультуры» и не забыть добавить в его еду капли, которые «стоят на столе у холодильника» — просьба доктора.

Кирилл Валерьевич (так звали полицейского) говорил что-то о безопасности, но от страха все советы выветрились из моей головы.

Ситуация была следующей: днем пожилой физрук свалился с инсультом, после чего доктор Козлов, вовремя прибывший к Шварцам, вызвал «Скорую», что доставила пострадавшего в больницу. О судьбе физрука ничего известно не было, кроме того, что он в тяжелом состоянии. Сам дом не так уж и нуждался в уходе, как и кошка, которой здесь в помине не было. Зато был сын, «временно проживающий в подвале».

На этой фразе меня качнуло от недостатка кислорода в легких. Сын физрука *необычный* молодой мужчина, нуждающийся в *особом* отношении.

— Твоя главная задача приготовить и занести еду в подвал, — голос доктора Козлова был размеренным, но глаза выдавали волнение.

О ком беспокоился Козлов? О том, кто живет в подвале?

Или, быть может, *обомне*?

— Если решишь помочь по хозяйству — вымыть посуду, над которой уже летают мухи, подмести полы, протереть пыль — это будет еще одна приятная новость для Андрея Алексича.

Доктор Козлов с таким теплом говорил о физруке, а Кирилл Валерьевич так преданно на меня смотрел, что, казалось, они видели перед собой не простую школьницу, взвалившую на плечи непосильную ношу, а ангела, ниспосланного Господом.

— Хорошо, я все сделаю, — пробормотала я, поджав от ужаса пальчики на ногах.

— Ты настоящий друг, Злата. Я очень рад, что к нам направили именно тебя, — доктор Козлов серьезно на меня посмотрел. — И помни — о сыне физрука не должен узнать никто. Для всех — ты наводишь порядок в доме, хозяин которого лежит в больнице. Все. Точка.

Кирилл Валерьевич протянул мне ключи со словами: «Буду на связи».

Через минуту их как ветром сдуло, а я в тревожном одиночестве, грозовой тучей нависшей надо мной, вошла в скрипучий, с затемненными углами дом. Переступила порог и замерла. Что делать? Взглянула на время — начало пятого. В моем распоряжении было три часа, но я не планировала задерживаться так надолго. Сделаю дело, и скорее домой.

Повесив жилет, опустила на пол сумку с торчащей белой футболкой, которую выдала Тихомировна. На ней был принт с названием благотворительного фонда и больше ничего. Я решила постирать ее, прежде чем надеть.

Осмотревшись, ткнула выключатель. Прихожая озарилась тусклым светом. Но лучше так, чем в темноте. Дверь по левую руку от меня была закрыта, справа довольно просторное прямоугольное пространство, совмещающее неопрятного вида кухонный островок и обеденный стол. Развернутый спинкой к кухне широкий диван в полоску смотрел на современный телевизор, водруженный на дубовый комод. В воздухе парил легкий аромат сосны и поленьев.

Оставив кроссовки на коврике у входной двери, я прошла в гостиную и включила свет. При свете дом не казался таким уж отталкивающим.

Мне не давали покоя два вопроса: физрук работает в моей школе или нет?; и по какой причине его сын (имя которого мне почему-то не назвали) находится в подвале?

Я обернулась на дверь под лестницей, обшитой деревом. По коже пополз мороз. Неужели прямо сейчас, в этом доме, где-то подо мной спрятан человек? Почему он там? А как он ходит в туалет? Или у него прям там туалет? А как моется? Неужели он совсем не моется? А спит? На чем? Даже если там кровать или диван, как можно *ночевать* в подвале? Это же немыслимо! Насколько мне известно, в подвалах нет окон и, если подумать логически, там должно быть душно. Возможно, там повышенная влажность. От высокой влажности запросто может развиваться грибок. Я представила стены, сожранные темно-зеленой плесенью.

И в этой сырости, без свежего воздуха, без нормальной еды, душа, унитаза живет человек? Он ни с кем не общается, не читает (там наверняка плохое освещение), не выходит на улицу А как, КАК он живет?!

Я присела на край дивана, пытаюсь успокоиться и наладить разбушевавшийся пульс. Часы плавно отсчитывали минуты. Я приложила холодные пальцы к вискам и принялась их массировать, глядя на круглый красно-зеленый ковер между диваном и телевизором.

— Что делать, Златка? Что де-ла-ть? — по слогам проговорила я, стараясь сосредоточиться на главном. — Первым делом сходить к человеку под полом.

Оглушающий поток мыслей требовал выхода. Я включила на телефоне голосовое сообщение для Зиминой и принялась диктовать:

— Ленка, мне страшно. Очень страшно. Все настолько плохо, что я даже не знаю, с чего мне начать говорить.

И тут я вспомнила, что доктор Козлов наказал не распространяться об истинной причине моего местонахождения в доме на Верёвочной. Я скинула голосовое сообщение, так и не отправив. Но душа выворачивалась наизнанку. Кому я могла бы обо всем рассказать, прежде чем спуститься в подвал?

Кому?

Блин, может... может...

Да никому!

Ни-ко-му!

— Ох, кажется, у меня начинается истерика.

Я зашла в настройки и включила диктофон:

— Итак, я на Верёвочной, дом тринадцать. Странно, что у него такая нумерация, учитывая, что он тут один, а из соседей только кладбище, — я глянула в окно, через которое отлично просматривались охваченные туманом надгробия. — И автобусная остановка неподалеку. И больше ничего. Другие дома начинаются со следующей остановки. Оно и понятно, здесь... Здесь непригодные условия для живых

Я подскочила от внезапного стука.

— Кажется, я схожу с ума!

Отключила запись. Расправила сбившийся глубокий капюшон толстовки. В доме было тепло, благодаря газовому отоплению. Если бы человек в подвале был вынужден жить в холодном доме, я бы точно побежала в полицию.

Кто знает, может здесь удерживают заложника?

О, боже мой. Нет, доктор Козлов не может быть таким чудовищем. Да и в какую полицию бежать, если она сама, в лице Кирилла Валерьевича, в курсе всего?

Глубоко вздохнув, я оторвала пятую точку от местами вышарканного, но удобного дивана. Подойдя к серебристому холодильнику, замешкалась на долю секунды, после чего распахнула дверцу. Все же не каждый день сую нос в чужие холодильники.

Готовой пищи здесь не было. Однако нашлись яйца, еще свежее молоко, домашние помидоры, огурцы, яблоки, масло, хлеб и сок. В морозилке оказались пачка сосисок, несколько упаковок с фаршем, куриными голеньями и свиными костями.

Я хотела осмотреть ящики и шкафчики, чтобы найти макароны, гречку или картофель, как снова раздался громкий стук. Как будто в дверь бросили что-то маленькое, но твердое. Моя душа ушла в пятки. Я вынула из шкафчика подсолнечное масло и захлопнула его.

— Господи, зачем я в это ввязалась, — прошептала я, доставая из духовки засаленную сковородку.

Хотя ей было уже наверняка сто лет, пожарить яйца она должна была хорошо. Бабушка всегда говорила, что старые чугунные сковороды могут превратить простую еду в незабываемую. Жирную, но вкусную. При умелой эксплуатации, разумеется.

Готовила я не то чтобы плохо, скорее, никак. Не приходилось. У плиты всегда занималась мама. Иногда они с Владой что-нибудь выпекали или стряпали. Я спускалась на кухню только поесть.

Я умела обращаться с газовыми плитами, потому что дома была такая же, только чистая. Поэтому без труда зажгла огонь, опустила сковороду на конфорку. По-хорошему плиту надо было почистить, но как-нибудь в другой раз. Когда масло накалилось, я разбила несколько яиц, посолила и убавила огонь. Как правильно жарить яйца? А черт знает. Как умею, так и жарю.

Из упаковки вынула пару сосисок, отделила их друг от друга, выложила на тарелку и поставила в микроволновку. Что любит сын физрука — чай, кофе? А, может, ему лучше принести воды?

Под успокаивающий звук жарящихся яиц, я окинула взглядом кухонные тумбы и наткнулась на поднос. Темно-синий с молниями. Протерла его тряпкой, поставила тарелку с горячими сосисками, яйца на плите накрыла крышкой и оставила еще на пару минут. Сполоснула высокий прозрачный стакан без ручки, наполнила его свежейводой из фильтра. Может, сделать чай?

— Нет, не стоит. А вдруг он обожжется или еще что? Он же, вроде как, немного не в себе... Точно!

Я оглянулась в поисках капель. Где же они? Где?

В дверь дважды стукнули. Я тотчас вспотела и пролила несколько капель на пол. Схватила салфетку, протерла пол, после чего бросила ее в забитую мусорку. Завязав мешок, достала его из ведра и отнесла в прихожую. Выброшу по пути к остановке. Я видела там грязно-зеленый мусорный бак.

Вымыв руки, отключила плиту, переложила яйца к сосискам. Отрезала толстый ломоть хлеба и обильно намазала его сливочным маслом.

А если он не любит сливочное масло?

Тогда я отрезала еще один кусок хлеба.

Взяла поднос и направилась к двери, но на полпути спохватилась. Капли! Вернувшись, добавила капли, согласно инструкции, в воду, после чего снова побрела к подвалу.

На толстой, будто звуконепроницаемой, двери резал глаза железный засов. В данный момент он был открыт. Из замочной скважины торчал ключ. Повернув его против часовой стрелки, я услышала звонкий щелок. Дверь отворилась.

Осторожно ступая по лестнице, я несла себя вместе с подносом, не зная, чего боюсь сильнее — упасть и сломать шею (такой крутой показалась лестница) или увидеть запертого человека.

Подвальное помещение было большим, уставленным продавленными креслами, стульями, сервантами с пыльными книгами, мутными стеклянными вазами, керосиновыми лампами, чайными сервизами и прочей, некогда нужной, ерундой. И в стороне, среди всего многообразия на толстом матрасе сидел темноволосый молодой человек. Казалось, он дремал, опираясь спиной о подушку, макушкой уткнувшись в стену. Руки расслабленно покоились одна

на колене, другая на матрасе. На нем была серая футболка с едва различимыми пятнами и неопределенного цвета, то ли темно-серые, то ли сине-черные, штаны, обнимающие длинные рельефные ноги.

Спустившись с последней ступеньки, я остановилась, не в силах сдвинуться с места. На моих глазах выступили слезы. Неловко шмыгнув носом, я привлекла внимание дремавшего мужчины. Он медленно разлепил глаза, нахмурил брови, покрутил головой. И уставился на меня.

— Шея затекла, — воздух заметно потеплел от его приятного, слегка хриповатого тембра.

— Здравствуйте. Я, я... — дрожащим голосом начала я, сама не зная, что хотела сказать. Мой взгляд блуждал по комнате, стараясь убежать от темных, как крепкий кофе, глаз.

— Поесть принесла? — его фигурные пухлые губы, дрогнули в улыбке.

Проглотив сухой ком, кивнула.

— Да. Я волонтер. И вот... Приготовила вам поесть.

— Поставь, пожалуйста, сюда.

Он указал рукой на деревянный стол в углу. Над столом на ржавые саморезы была прибита полка с двумя книгами и фотографией. На ней была женщина, или, скорее всего, девушка (судя по хрупким рукам и изящному платью цвета пыльной розы) с длинными темными волосами, рассыпавшимися по плечам объемными волнистыми локонами. Я пригляделась, стараясь рассмотреть лицо, но оно было неровно вырезано. Кому понадобилось испортить снимок?

— Спасибо, — сказал мужчина.

Я тотчас отошла от стола и неуверенно направилась к выходу. Потом обернулась и внезапно (даже для самой себя) спросила:

— Почему вы здесь?

Несколько секунд мужчина рассматривал меня, как греческую статую. Его глаза оставляли обжигающий след на моих, собранных в высокий хвост, волосах, глазах, переместились и опалили кончик носа. Темные глаза так забавно скосились, что я истерично хихикнула.

Он криво улыбнулся одним уголком губ.

— Где же мне еще быть?

Таких мужчин, как он, я даже по телевизору не видела. Он был так красив, что глаз не оторвать. Медовый взгляд манил, завораживал, заставлял забыть обо всем. Хотелось все бросить, сесть рядом и смотреть на него вечность. Мужчина был жгуче привлекательным — густые смольные волосы, точно покрытые пеплом, широкий лоб, гладкий узкий нос, глубоко посаженные глаза с цепким взглядом, выворачивающим тебя наизнанку, высокие скулы, притягательные губы, аккуратный подбородок, кожа оливкового цвета (или так казалось при неярком освещении). Он источал волевою энергию и силу, которую усмирлял. Он обладал харизмой. Мужественностью. И был очень, очень опасным.

— Эм-м-м... ну в больнице? Или просто у себя в комнате?

Стены подвала завибрировали от сиплого смеха. Мой рот наполнился кисловатым привкусом. Только не это. Неужели от оцепенения может тошнить?

— Забавно. А знаешь, интересная мысль. Порой я тоже задаюсь вопросом — почему это происходит со мной? Почему бы всем не оставить меня в покое? В конце концов, неужели у людей нет других забот, кроме как носиться вокруг умалишенного? — он иронично закатил глаза. — Нда... Доктор Козлов закончится быстрее, чем сможет со мной что-либо сделать.

Реплика про доктора настораживала. Я постаралась принять бесхитростный вид и как можно естественнее (без дрожи и страха в голосе) завершила:

— Доктор Козлов хороший человек. Я знаю его с детства. Он работает на износ, лечит весь поселок, он... не может желать вам зла.

Мой собеседник очаровательно закусил губу, и я воззрилась на рваные обои за его плечом. Жесты, мимика, взгляд, тембр голоса, манера поведения нового знакомого приятной волной откликнулись в моем теле. Он был необычным. Непонятым. Подобная непостижимость заставляла меня задерживаться в подвале, вместо того чтобы заняться тем, для чего я здесь появилась. Накормить человека, дать лекарство, навести какой-никакой порядок на первом этаже. А вместо этого я зависла под необъяснимым влиянием.

Когда-то мы с Ленкой проходили онлайн-тесты на психотипы. О результатах я уже и не вспомню, потому что мы прошерстили весь интернет, просмотрели кучу психологических сайтов, но из всего изобилия информации я запомнила такую вещь — существует особая категория людей, способных оказывать психологическое и эмоциональное влияние на других. Это почти то же самое, что и «энергетические вампиры», после общения с которыми чувствуешь утечку энергии, упадок сил. Только в моем случае, воздействие не относилось к вампиризму. Это было что-то другое, чего я не могла объяснить себе самой в силу нехватки знаний. Чтобы понимать и анализировать человеческую психику, нужно посвятить себя изучению, общаться с теми, кто разбирается в этой теме. С психиатрами, психологами, психотерапевтами. Со всеми, кто связан с «психо». Таково мое заключение.

— Я знаю Козлова с пеленок. Согласен, он нормальный дядька. Малость простодушный, зато искренний. Его можно легко просчитать. То есть можно было. Теперь он осторожничает со мной. Держится на расстоянии. Не говорит лишнего. Контролирует каждое свое слово, подмечает мое настроение. Разговаривает со мной, как с малолетним, утаивает, умалчивает. И меня это бесит.

— Мне показалось, он желает вам добра и пытается помочь, — я обвела взглядом тускло освещенное помещение с затхлым запахом. — Хотя не представляю, что подстегнуло его запереть вас здесь.

Молодой человек направил на меня прямой взгляд.

— Тебе меня жаль?

На нервной почве у меня зачесалось под резинкой. Пришлось немного стянуть ее вниз, таким образом, ослабив хвост. Я медлила с ответом, потому что терялась. Наш разговор был честным с самого начала, а теперь и вовсе приобретал особый душевный оборот.

Как часто мы говорим с малознакомыми людьми по душам? Обычно с теми, кто нам импонирует, мы стараемся быть лучше. Интереснее, умнее, дружелюбнее, чем есть на самом деле. Но мне почему-то хотелось не этого. Я стремилась к искренности. *О*меня к ней побуждал. Признаться, даже с самыми близкими людьми я оставалась честной на восемьдесят процентов. То есть, я не обманывала, просто преподносила правду более легко и непринужденно. Не проявляла искренних чувств. А сейчас они из меня просто сочлились.

— Да. Такого отношения не заслуживает никто.

Его густая бровь выгнулась, уголок рта насмешливо приподнялся. Казалось, он обдумывал какую-то занимательную мысль, после чего с расстановкой произнес:

— Неужели? А как же маньяки, гребаные истязатели детей, стариков, немощных людей, животных? По-твоему, они не достойны самого худшего отношения?

Сложный вопрос застал меня врасплох. Я потратила несколько секунд на раздумья, а потом предположила:

— Наверное, их просто сразу нужно убивать?

Надменное выражение лица сменилось понимающим. Блеснув красивыми зубами, он заметил:

— Казнь запрещена законом. Но выход есть. Что, если таких ничтожеств будет наказывать тот, кто имеет на это власть? Тот, кому плевать на запреты. Тот, кто сам по себе. Сильный, бесстрашный. И справедливый. У него своя политика. Своя мораль. Он никого и ничего не боится. Ты будешь такого бояться?

Отступив на шаг, я запнулась о ступеньку. Всплеснув руками, охнула, но сохранила равновесие.

— Аккуратнее. Извини, не хотел тебя запугивать. Просто иногда я сам себя не слышу. То ли произношу то, о чем думаю, то ли только думаю, но не произношу.

— Мне по правде стало неудобно.

Он опустил печальный взгляд в пол.

— Прости.

— Вам не за что извиняться. И у меня есть ответ на ваш вопрос.

Собеседник оглядел меня снизу вверх и, добравшись до губ, точно опалив огнем, отчеканил:

— Тогда я жду его, твой ответ.

Набрав в легкие побольше воздуха, выпалила:

— Я не буду его бояться. Того, кто вершит справедливость. Пусть это звучит глупо, пусть вы сочтете меня ребенком, который не ведает, что говорит, но я так чувствую.

— Но почему он не вызовет в тебе страха?

— Может, потому что он делает добро просто по-своему? Очищает мир от безграничной жестокости...

— Тот, кто отвечает на насилие насилием, не меньшее зло. И ты не сможешь его не бояться.

Я замешкалась, подбирая слова. Сцепила руки в замок на уровне груди, как будто собиралась помолиться. Раскрыла губы, намереваясь сказать что-то, что помогло бы диалогу приобрести менее удручающее направление. Но он меня опередил. Внезапно вскинувшись, бросился ко мне и что есть мочи закричал:

— КРИСТИНА!!!

Охнув, я отпрянула, зажмурившись, прижав руки к сердцу. Звонко лязгнул металл, от чего я вся сжалась в маленький комок нервов. Приоткрыв глаза, обомлела, увидев перед собой человека, сидящего на коленях с вывернутой ногой. Аккуратную лодыжку тугим обручем сжимало железное кольцо цепи, крепившейся к стене.

Мой рот открылся в немом изумлении. Грудь затопили бездонное отчаяние и злость.

Его посадили на цепь?? НА ЦЕПЬ? Как собаку?!

Человек, чье лицо исказилось мукой, сбивчиво шептал: «Кристина... Кристина». А потом тихо заплакал.

Глава 7

Встреча с Лазарем

Сама не поняла, как очутилась сидящей на нижней ступени лестницы. Смотрела в никуда, слушая приглушенные всхлипывания. Они становились все тише и тише, пока не превратились в глубокое, будто вынужденное, дыхание. Подвал затопила горькая, отчаянная тишина. Мое сердце, точно стянутое в тугие тиски, утопало в необъяснимом чувстве потери. Только потеряла не я, а другой. Тот, кто находился недалеко от меня. Он облокотился спиной о подушку, голова, как у куклы, немного склонилась вниз. Глаз видно не было, но влажные полоски на щеках постепенно подсыхали.

Никогда не видела мужских слез.

Не просто слез, а таких горьких, душераздирающих.

Так плачут люди, которые потеряли близкого. Того, кто когда-то был частью души. А, может быть, самой душой.

Пока я изучала висящую на тонком черном проводе одинокую лампу, не заметила, как мужчина спустился с подушки на матрас и полностью на него лег. Он раскинул руки по обе стороны от головы и устался в потолок. Побеленный, местами бугристый.

— Уходи, маленькая.

Моргнув, я перевела взгляд на лежащего. Голос его стал ровным, чистым, без хрипотцы, но оставался тихим.

— Не могу, — честно призналась я.

— Почему?

— Не знаю, как объяснить. Просто что-то удерживает меня здесь, — тоже тихо, в тон ему, проговорила я. — Может, во всем виноват этот потолок.

Мужчина слегка повернул голову в мою сторону.

— М-м-м. И что же в нем такого занимательного?

Я пожала плечами, не уверенная в том, что ему важен мой ответ.

— Думала, что в подвале высокая влажность и здесь все

— Все покрыто мхом?

Он откровенно иронизировал. Мое настроение едва ощутимо улучшилось.

— Как вы догадались?

— Он умеет читать мысли.

Мою грудь обожгла тревога.

— Кто?

— А?

— Вы сказали, «он умеет читать мысли». Кого вы имели в виду?

Расслабленный, точно обессиленный мужчина разом сконцентрировался. Резко сел, подобрал ноги, прижал их руками к своему торсу. Я нашла пальцами перила лестницы. В эту минуту происходило что-то неладное. Оглянувшись, убедилась, что дверь открыта, и я без заминки смогу выбраться отсюда.

— Лазарь. Он умеет читать мысли, — голос мужчины становился все громче и напряженнее. Говорил быстро, четко чеканя каждое слово. — Он вообще много чего умеет. И тебе бы поторопиться. Ты можешь поскорее уйти?! — он подскочил на ноги и в мгновение ока оказался от меня в полутора метрах. Лишь лязгнувшая цепь сдерживала темноволосого. Его глаза всегда были такими черными? Но домыслить я не успела, потому что он рывкнул: — УЙДИ, ДЕВОЧКА!!! УХОДИ!!! ЛАЗАРЬ! ЛАЗАРЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ!!!

Не помня себя от страха, я взлетела по ступеням, вынеслась из подвала, захлопнув за собой тяжелую дверь. Мои пальцы тряслись, когда закрывали пробудившегося Лазаря на ключ. Я как раз вытащила его из замка в тот момент, как в дверь грубо ударили. Мое сердце совершило прыжок. Я отпрянула и, не отрывая глаз от ходуном ходившей двери.

Что, если он ее выбьет? Что будет? Он убьет меня?

Запустив руки в волосы, сдернула резинку и закружила по комнате. Мои глаза лихорадочно метались из стороны в сторону. Мысли путались, а в дверь долбился Лазарь. Я открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная из аквариума на сухой стол.

Дверь перестала дрожать. За ней не доносилось ни единого звука. Только чуть слышный, мягкий, воркующий голос, растягивающий слова, произнес:

— Ма-а-аленькая, открой.

Приложив руки к пылающим щекам, я, как зомби, преследующий человека в качестве сытного обеда, поплелась к двери. Не дойдя несколько шагов, остановилась.

— Подойди-и-и. Пожа-а-алуйста, подойди-и-и. Я-а-а не оби-и-ижу тебя. Не-е-е-т, никогда не оби-и-ижу.

Я бесшумно шагнула вперед. Мой внутренний голос вопил, чтобы я ни в коем случае не открывала дверь.

— Пове-е-ерь мне. Не-е-ет, никогда не обижу тебя. Пожа-а-алуйста, открой. Мне плохо. Пло-о-охо. Открой.

Из раритетных настенных часов шумно выехала кукушка и зарокотала: «ку-ку!ку-ку!», указывая на шесть вечера. Я возблагодарила создателя часов, которые вывели меня из одурманивающего морока. На пыльные полы, засыхающие цветы и прочие дела по дому, что требовали внимания, я махнула рукой. Не могу. Не могу оставаться здесь еще дольше.

Стремительно запустив ноги в кроссовки, я подхватила сумку, забрала жилетку и выскочила на улицу.

На автопилоте добралась до дома, не замечая ничего и никого вокруг. Оказавшись в комнате, закрыла дверь до щелчка, хотя не имела привычки запираяться, стянула кофту, сняла штаны. Бросила вещи в кучу. Сюда же отправила носки, нижнее белье и лифчик. Мне было плохо. Совершенно одиноко. Нужно было помыться. Привести себя в чувство.

Взяла из ящика свежее белье и домашнюю одежду. Накинув халат, застегнула молнию, сунула ноги в тапки. Не думая, действуя на примитивном уровне. Как собака, привыкшая есть *здесь*, пить *здесь*, спать *здесь*, ходить в туалет на улице.

В гостиной на первом этаже громко звучал телевизор. Папа?

— О, вернулась! — радостно сказал папа. Он удобно устроился на диване, уместив затянутую в эластичный бинт ногу на пуфик. — Что-то долго ты. С друзьями гуляла поди?

— Что? А, нет, я просто... Хотя да, немного погуляли, — в голове творился полный кавардак. Ничего не понимала. Где правда, где ложь. Что говорить родителям о волонтерстве? А говорить ли вообще? Спросить у папы про ногу? Да, воспитанные дети спрашивают у взрослых о самочувствии. И я проблеяла: — Как твоя нога?

— Болит, но отек спадает. Мази делают свое дело.

— А, понятно. Это уже хорошо.

Я прошла дальше по коридору и вошла в ванную. Подошла к зеркалу. Лицо какое-то шальное. Будто я под хмельком. Но я точно не пила. Вообще не пью ничего, крепче «Спрайта» или «Кока-Колы». И волосы, как длинные тряпки, болтаются в разные стороны. Как будто сто лет не расчесывалась. Где же моя резинка? Коричневая, тугая. Специально покупала для своих тяжелых волос.

— Осталась там, наверное, — прошептала я, забираясь под горячие струи душа.

Закрыла глаза, навела воду на лицо.

Там.

Там, в сумасшедшем доме на Верёвочной.

Как он там сейчас один? А как его зовут по-настоящему? Лазарь? Нет, наверняка не так. Лазарь это что-то другое. Или кто-то другой. Лазарь это тот, кто «приходит» к мужчине на цепи. Он подавляет его волю, подчиняет себе. Кто же он тогда, настоящий?

— Ничего не понимаю, — прошептала я, смывая с себя гнетущую усталость. На душе было так тяжело, словно на меня повесили набитый камнями баул, а тащить мне его десять верст.

Сколько ему лет? Скорее всего, ему нет тридцати. Щетины нет, лицо гладкое. Бреется в таких условиях? Морщин нет. Но взгляд взрослый. Не невинный, не детский. Глаза не черные у него, обычно нет. Наверное, у него расширились зрачки, поэтому так показалось. На самом деле, они темно-карие.

— Карие, — губами произнесла я, пробуя слово на вкус. — У него карие.

Теплый, согревающий взгляд был полной противоположностью Федеиным льдыстым глазам.

Вымывшись, я вытерлась, оделась, забыв нанести на кожу рук и ног питательное масло. Забыла вымыть волосы. Завтра надо было в бассейн. Но к *нему* ведь тоже надо. Как быть?

Погруженная в мысли, вошла в кухню, налила томатный сок и, скривившись, выпила целый стакан. Не люблю томатный сок. Открыла холодильник, оглядела. Еды — завались.

— Там овощное рагу с говядиной мама приготовила! В томатном соусе! — крикнул папа.

— Хорошо, пап! — ответила я и захлопнула холодильник. — Томаты Томаты

— Ты мне что-то говоришь?

— Нет! — крикнула я и под нос себе пробормотала: — Просто тихонечко схожу с ума.

Не хочу ничего есть. Вообще ничего не хочу. Только упасть на кровать и забыться сном. Желательно, вечным.

Стоп, о чем я только думаю.

Я вышла из кухни, запихнув в себя вафлю. Проходя мимо гостиной с орущим телевизором, громко сказала:

— Как ты умудрился ногу покалечить?

Отец замешкался. Казалось, он не был готов говорить об этом. Но я стояла и упрямо ждала ответа. Он бросил на меня краткий взгляд и сказал:

— Да просто споткнулся о ветку, растянулся на дорожке, ногу вывернул.

— И что вот так все просто?

Папа усмехнулся.

— Истина всегда на поверхности.

У Анатолия Владимировича Ульянова была замечательная семья — две чудесные дочери, обе красавицы и умницы, и милостивая, мудрая, чуткая жена Оксана. С Ксю, как всегда называл жену Анатолий, отношения были теплыми, несмотря на много лет брака. Он любил жену. Семья была для него на первом месте, на первом же и оставалась по сей день.

Если бы только не молодая вдова, живущая в крошечном одноэтажном доме по ту сторону школьного стадиона. Нет, Анатолий не собирался в нее влюбляться. Но она была так печальна после смерти мужа, так подавлена, что он не смог пройти мимо.

В тот летний августовский вечер Анатолий нарезал седьмой круг. Он так сильно вспотел, что пот градом стекал со лба прямо на выстиранную и заботливо выглаженную Ксю футболку. В зарослях кустарников у забора слышались женские всхлипывания. Вокруг было тихо и безлюдно. Только прячущееся солнце за горизонт и темнеющее небо.

Анатолий сбавил ритм и прошел еще один круг пешком. Он хаотично думал — подойти, спросить, что случилось? Кто знает, может, она потеряла любимого хомяка или обнаружила в аквариуме плавающую кверху пузом рыбку? Или случилось нечто похуже?

Ноги налились свинцом и гудели в такт расшалившемуся сердцу. И чего он вдруг так забеспокоился?

Не думая больше ни секунды, Анатолий направился к кустарникам. Молодая женщина лет тридцати с небольшим горько плакала, прижимая мокрый платок к покрасневшим глазам. Ее лицо было начисто лишено косметики, губы сухие, потрескавшиеся. Руки без маникюра, браслетов, колец, в том числе без обручального.

Замешкавшись, Анатолий неуверенно пробубнил:

— С вами все в порядке?

Он не был горазд на комплименты и нежности. Старался, чтобы голос звучал мягче, но зычный бас было трудно скрыть. Какой уж есть у него, этот голос. Анатолий был уверен, что незнакомка в растянутой кофте, потертых джинсах и замученных кедах встанет и сбежит от него. Мало ли, может, он маньяк? Но она лишь подняла на него грустное лицо, сверкнув холодными, как айсберг, глазами.

И он тотчас провалился под лед, устремившись прямо ко дну.

Общение между ними завязалось сразу. В этот день Анатолий задержался на стадионе на целых полтора часа, объяснив Ксю, что в телефоне зависло приложение, и он «битый час пытался с ним что-нибудь сделать!», ведь там должен был сохраниться результат пробежки. А иначе все псу под хвост! Разумеется, Ксю не сомневалась в правдивости слов супруга.

На самом же деле Анатолий выяснил, что незнакомку зовут Ангелина, живет в ветхом, на вид убогом домишке, куда они с мужем (нынче покойным) не так давно переехали. У нее здесь не было никого, кроме мужа. Ни с кем не познакомилась, не подружилась. На работу устроилась только вчера, кассиром в отдел женского белья. Тут Анатолий порадовался, что они с Ксю явно не встретятся, хотя специфика работы у жены и новой знакомой схожая.

Несмотря на печальный опыт семейной жизни, в котором Ангелина так и не обзавелась детьми (не успела, муж умер слишком рано), она с легкостью приняла руку помощи Анатолия и завязала с ним знакомство.

— Если вам понадобится мужская помощь по дому, позвоните.

И продиктовал Ангелине свой номер.

С этого все и началось.

Сначала у Ангелины не топились печь, когда на улице похолодало. В следующий раз Ангелина не смогла затопить баню.

— Костя собирался заняться ею, но, — она печально вздохнула. — Теперь-то его нет...

Анатолий обшил стены парной термостойким материалом, пол покрыл деревом, уложив на лаги, чтобы Ангелина не поскользнулась на прогнивших скользких досках.

Когда по району отключили воду, Ангелина пожаловалась Анатолию, что не может донести десять литров из ближайшего продуктового магазина.

— Но ты не волнуйся, я просто схожу два раза. Уж пять литров я точно за раз унесу.

Но Анатолий примчался в течение пятнадцати минут на служебном авто, привезя страдалнице четыре пятилитровых бадьи. В благодарность та, с кошачьей улыбкой обняла Анатолия за шею, прижавшись алыми губами к его рту.

Анатолий весь оставшийся день вспоминал эти сочные губы, которые мгновенно заводили его. Вечером он позвонил Ксю, сославшись на нерадивого ученика, попавшего в аварию, предупредил, что задержится еще часа на два: «Пока аварком приедет, пока все оформим. Не жди, ложись спать». Ксю вздохнула, пожалела уставшего мужа, который наверняка приползет домой без рук, без ног и рухнет спать, и устроила с Владой и Златой увлекательный вечерок с просмотром приключенческого фильма под соленый попкорн и сок.

Анатолий тем временем вломился с роскошным букетом в двери ожидающей его вдовы. Букет улетел куда-то в сторону, стоило Анатолию вновь увидеть эти опьяняющие кроваво-красные губы. Он не думал ни о ком, ни о чем. Ему было хорошо, даже очень хорошо рядом с ней. С Ангелиной. Он давно не испытывал радости физического наслаждения, простого удовольствия сбросить с себя и красивой женщины одежду и утонуть в объятиях друг друга. С Ксю он не мог себе такого позволить, ведь в доме всегда находились дочки, или одна из них. Это сильно притупляло физиологические потребности, вынуждало отодвигать их к ночи.

А с прекрасной, изумительной, чарующей вдовой можно поддаться искушению утром, днем, вечером! В любое время, в какое только захочешь!

О, как же это здорово. Как хорошо! Анатолий не хотел себе признаваться в том, что искренне рад отсутствию детей у Ангелины.

И прямо сейчас, пробегая очередной круг, он предвкушал, как ворвется в крошечный предбанник и уложит вдову со жгучими черными волосами на лопатки, а сам устроится сверху, как вдруг позади него кто-то протянул:

— Э-э-эй, погоди-и-и-и... Чува-а-а-к.

Анатолий замер, резко обернулся. От быстрого бега его сердце яростно колотилось о ребра. С кошачьей грацией к нему медленно приближался человек. Анатолий не мог понять, мужчина это или юнец. Походка легкая, юношеская, голос противный, тягучий.

— Ну и-и-и что тут у нас? — вальяжно протянул парнишка, вертя на указательном пальце ключи.

Одет он был странно — темно-синий спортивный костюм, поверх которого была надета яркая толстовка, изрисованная граффити. На голове красная кепка набекрень, на глазах очки — одно стекло черное, затемненное, другое перламутровое, треснутое. Пахло от него тоже странно — розами.

Анатолий решил, что перед ним никто иной как наркоман. Он выставил руку вперед и твердо произнес:

— Молодой человек, вы ошиблись.

Тот, казалось, искренне удивился. Его густые темные брови вопросительно поднялись вверх и спрятались под кепку:

— Кто? Я?!

Неадекватное поведение паренька выбивало из колеи. Что предпринять? Отвернуться и уйти или продолжить бредовый диалог? И тут парнишка, который подошел к Анатолию уже совсем близко, неприятным голосом промяукал:

— Бабоньку подцепил, — он хмыкнул. — Миленькая.

Да что он себе позволяет?! Чувствуя нарастающее раздражение, Анатолий процедил:

— Что вам от меня нужно? Мы не знакомы, и знать вас я не желаю.

Парень спрятал улыбку и поджал губы. Они превратились в крошечную нераспустившуюся розу. Затем он расслабил мышцы, позволяя губам принять форму грустного полумесяца. Казалось, парнишка был готов расплакаться.

— Заче-е-е-м ты так? Пове-е-е-жливее на-а-а-адо.

— Мне неинтересен этот диалог.

Анатолий развернулся и зашагал вперед. Он решил, что в этот раз точно не пойдет к вдове, мало ли сумасшедший отследит ее дом и ее саму. Домой тоже не хотел. Тогда, стало быть, в какой-нибудь магазин?

Но привести цель в исполнение не смог. Парнишка схватил его за волосы одной рукой, другой сжал шею. Глаза Анатолия округлились, рот в немом изумлении открылся.

— Бо-о-ольше всего на све-е-ете ненавижу преда-а-ателей, — зашипел ему на ухо сумасшедший. — Из-за таких, ка-а-ак ты, страдают невинные ду-у-уши. Ясно? — будучи на полголовы ниже Анатолия и в два раза худее, парень встряхнул Анатолия и проорал. — ЯСНО?!

Вместо ответа, Анатолий схватил холодные тонкие, но сильные пальцы, пытаясь их с себя сбросить. Он выставил локоть, намереваясь ударить обидчика в живот, но тот тихо сказал:

— Я бы на твое-е-ем месте этого не де-е-елал.

Он стремительно перехватил руки, оказавшись перед лицом красного от ярости Анатолия, и снял очки, впившись взглядом в оппонента.

— *Будешь делать то, что я скажу-у-у,* — с расстановкой произнес он.

Напрягшееся тело Анатолия разом перестало оказывать сопротивление. Он бы, может, и хотел что-то предпринять, помочь себе, но мысли расплзлись, уступая место медитативному глубокому голосу, проникающему в самое ядро человеческого разума. Словно под гипнозом, Анатолий, забыв закрыть рот, по углам которого тонкой струйкой сочилась слюна, вбирал в себя чужую волю:

— *Забудь дорогу к вдове. При первой мысли сходить к ней, ты упадешь и сильно покалечишь ногу,* — парнишка замолчал, будто к чему-то прислушивался. — А? Не-е-ет, любовь? — он отодвинулся от Анатолия, чтобы получше рассмотреть его глаза. — Ха-ха-ха! Да ну? **ТЫ ВСЕРЬЕЗ ДУМАЕШЬ, ЧТО ПОХОТЬ — ЭТО И ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?** — парнишка залиvisto расхохотался. Закончив, он схватил Анатолия за волосы и близко приблизил к нему свое лицо. Так, что они смотрели друг другу глаза в глаза. — Ее отец тоже был шалавой. Мотался от одной юбки, к другой. Это ее и убило. **УБИЛО! ЯСНО ТЕБЕ, УТЫРОК, ЯСНО?!** — он перестал кричать, отпустил волосы Анатолия и принялся ходить вокруг него, как детишки вокруг елки. Голос его стал спокойным и плавным. — Тебе бы только поразвле-е-ечься. А семья будет страда-а-ать...

Он задрал голову к небу и проводил взглядом исчезающую в темноте ворону. Покачал головой своим мыслям.

— Знаешь, как трудно быть зависимым от другого человека? Как тяжело, когда кто-то другой делает тебе больно? Морально тебя давит, уничтожает. Ломает твой мир. Твою устроенную жизнь. Тебе было когда-нибудь так больно? — сумасшедший прервал кружение и остановился напротив Анатолия. Глаза парнишки лихорадочно блестели. То ли от пробуждающегося гнева, то ли от отчаянных слез. Его губы подрагивали, презрительно кривились. Указательный палец побагровел от кручения ключа. Казалось, еще немного и он отвалится. Парнишка сделал жалобное лицо и пропищал:

— Отвечай.

Анатолий, точно сомнамбула, закачал головой.

— Нет, нет, нет, не было.

Тогда парнишка принял еще более жалобное выражение, сквасил губы и промолвил:

— Будет.

— Что? — не понял Анатолия.

Признаться, ему до чертиков не хотелось находиться здесь больше не минуты, к вдове его не тянуло от слова совсем. Желание было одно — поскорее унести отсюда ноги.

Парнишка перестал крутить ключи и спрятал их в карман. Дунул порывистый ветер, принес с собой запах паленых листьев и жареного мяса.

— *Тебе бу-у-удет плохо, если ты вн-о-о-овь вознамеришься изменить своей жене. Для нача-а-ала пострадает нога, а да-а-альше,* — он пожал плечами и мило улыбнулся, обнажив ровный ряд белоснежных зубов. — *Дальше видно будет. Любопытно, продолжит ли она любить калеку?*

Глава 8

Расплата

Не спала до пяти утра. Ворочалась с боку на бок, глаза постоянно открывались и смотрели в темноту. Все думала о том, как пережил эту ночь Лазарь? Выпил ли несчастный лекарство? Не грустил ли он больше о Кристине? И кто она, эта Кристина? Возможно, всего лишь плод его большого воображения.

Будильник прозвонил ровно в семь. Буквально соскребая себя с кровати, как дворник скребет скованный наледью асфальт, я поднялась и сразу принялась одеваться. Рабочую футболку, которую мне выдали в «Добром сердце» совсем забыла постирать. Натянув теплые колготки, черный бюстгальтер с кружевом и черное приталенное платье выше колен, спустилась на первый этаж, чтобы умыться. Вдыхая запахи молочной овсяной каши, свежего хлеба и сыра, крикнула маме:

— До-о-оброе утро.

Получилось вяло, но она, услышав, поздоровалась в ответ. Прохладная вода освежила мое лицо, но сонливость не прогнала. Почистив зубы, заметила, что сделала это щеткой Влады. Пришлось промыть ее с мылом. Рот прополоскала Хлоргексидином вместо освежающего ополаскивателя, поморщилась. День начался из рук вон плохо. Провела расческой по волосам — маминой — потому что мама имела привычку расчесываться в ванной, тогда как наши с Владой расчески хранились в комнатах. Чтобы не сделать еще какую-нибудь глупость, вышла из ванной, погасив свет.

Как пришибленная, села за стол и взяла ложку. По тарелкам была разложена каша, бутерброды с маслом и сыром, в кружках зеленый чай с цедрой апельсина. Папа по утрам имел привычку пить кофе, но сегодня за столом его не ждали. Из-за нывшей всю ночь ноги, он почти не спал, потому и отсыпался сейчас.

— Выглядишь так, будто разгружала вагоны, — спросила мама, шустро уплетая свою порцию.

Мама всегда ела так стремительно, словно у нее вот-вот отберут тарелку. Даже если она никуда не торопилась, и можно было весь день только и делать, что есть, время приема пищи составляло пять минут.

— Над уроками сидела допоздна, — солгала я.

По возвращении домой я совсем не занималась уроками. Пыталась прочитать параграф по истории, но из головы все мысли вытеснял Лазарь. Конспект по химии писала, не вникая в суть. Решить задачи по алгебре не смогла. Зато подготовила спортивную сумку, чтобы сходить в бассейн. Мою голову и сердце терзали многочисленные вопросы, сомнения и страхи. Я не знала, куда себя деть, как утихомирить. Не могла спать, хоть глаза и слипались.

— Влада пошла на поправку, — сказала мама, очищая тарелку мыльной губкой.

А я и не заметила, как она оказалась у раковины.

— Приятная новость, — проговорила я, ковыряя кашу. — Скоро вернется в общагу?

— Думаю, к выходным уедет. Она и так слишком много пропустила, пока болела. С университетом шутки плохи — чтобы не отстать, нужно посещать, даже если падаешь замертво. Во всяком случае, так было в мое время.

Я вздохнула. В данный момент о Владе я не беспокоилась совсем. Сестра поправляется, это самое главное.

— Ты пойдешь в бассейн?

— Да, — я ощутила внутри себя пустоту.

Не хочу больше плавать. Не хочу. Не хочу в «Баттерфляй».

До школы мне было несколько минут неспешной ходьбы. На этот раз я шла в одиночестве, в то время как Зимина и Гренкин уже наверняка прибыли самыми первыми. Ноги внесли меня в раздевалку, затем поднесли к расписанию, после чего подняли на третий этаж, на урок русского.

— Диктант!

Объявила учитель. Мы все открыли тетради и принялись писать. Ленка задела мою ручку своей и шепнула:

— Все хорошо?

— Угу, — ответила я, продолжая водить чернилами по листу.

Стержень потек в нескольких местах, оставив на странице синие жирные точки. Но меня это не волновало. Я все еще думала о Лазаре. Было невыносимо сидеть здесь, в окружении людей, общаться и слышать голоса одноклассников, топот ученических ног во время перемены, и вообще испытывать движение жизни, в котором я была мелкой сошкой.

А Лазарь был лишен жизни. Заперт в подвале. Одинок. Голоден. Брошен всеми, даже отцом. Я вспомнила его отчаявшийся взгляд, от чего мой подбородок задрожал.

Только не зареви, только не зареви

Мне нужно было написать про осень в деревне, желтые листья, скрип бревенчатого пола, дуновение облетевшей березки, аромат жареных оладий с вареньем. Но я думала все об одном.

На перемене друзья пытались меня растормошить. Тщетно. Гренкин рассказывал новые истории о сумасшедшем, который заставил продавца, обсчитавшего мамочку с двумя детьми в мясном киоске, съесть кусок сырой говядины на глазах у других покупателей.

— Совсем стыд потерял, — фыркнул Гренкин.

— Фу, отвратительно, — Ленка сделала вид, что ее тошнит.

На ней сегодня было что-то блестящее — не то платье, не то черная кофта, усыпанная блестками, и черная юбка. На ногах кеды, совсем не сочетающиеся с одеждой, зато гармонирующие с крупными круглыми серьгами. Огненные рыже-красные пряди были чистыми, разделенными на косой пробор, челка подхвачена невидимкой со стразами. Гренкин был одет в брюки и рубашку, как и всегда.

На каждом уроке нам задали кучу всего. Неудивительно, что после школы мы разбрелись по домам, не договорившись о вечерней прогулке. Да и не смогли бы мы сегодня погулять, ведь у меня бассейн, а Ленку ждал дедуля, чтобы накормить ее борщом. Любопытно, что Ленкин подопечный нуждался только в общении. Он был полностью дееспособен, но бесконечно одинок.

Ступив на крыльцо, толкнула входную дверь и чуть не сшибла девушку с волосами цвета выгоревшей древесины.

— Эй, осторожнее! — гавкнула она, недовольно глянув на меня зелеными глазами.

— Владка? — пискнула я, уронив сумку себе на ногу. — Ай! — я наклонилась, растирая пальцами ушибленное место.

— Ну да, а что?

— Ты перекрасилась?

— А ты сама не видишь?

Ее длинные волосы красивыми волнами стелились по груди и спине. Яркое-красное короткое платье было чрезвычайно вульгарным, подходящим скорее кабаре, чем домашней обстановке.

— Когда успела? И откуда ты или куда в таком виде? — я все еще стояла на пороге, опешившая.

Влада цокнула языком и ринулась к лестнице.

— Достала со своими вопросами!

У меня округлились глаза от удивления:

— Что? Влада?

— Отвянь!

Стремглав взобравшись по ступеням, она скрылась в своей комнате, хлопнув дверью. Из гостиной снова голосил телевизор, а отцовская травмированная нога покоилась на пуфике. Сам он дремал в кресле. Я вымыла руки и поднялась к себе.

Часы показывали начало второго. Я переделалась в безразмерную футболку оливкового цвета и темные джинсы. Порывшись в ящиках, выудила слитный черный купальник, которому было уже три года, и сложила его вместо нового с оторвавшейся розочкой. Собрала волосы в высокий хвост, съела конфету, набросила сверху куртку и, уверенная в том, что народу в бассейне будет предостаточно, вышла из дома.

Каким же было мое удивление, когда я вновь вошла в пустой холл. Замешкавшись, вышла из здания, чтобы внимательно взглянуть на двери. И точно, на прозрачном стекле висел листок с предупреждением о технических работах, в связи с чем «Баттерфляй» начнет функционировать в обычном режиме лишь со следующей недели.

Только я собралась уходить, как дверь отворилась.

— Злата, — противные губы на лоснящемся лице растянулись в приторной улыбке.

— Здравьте, — буркнула я, отступив на шаг.

— Заходи-заходи.

— Но здесь написано, что...

Павел прикрыл веки и легонько кивнул головой.

— Не обращай внимания. Заходи.

Где-то под ребрами меня кольнуло. Я прижала руку к боку и непроизвольно зажмурилась.

— Извините, кажется, мне нужно в больницу.

Павел тотчас оказался возле меня и тронул за руку. Я дернулась от нахлынувшего отвращения. Не терплю, когда меня касаются посторонние. А особенно такие личности, как Павел.

— В тренерской есть аптечка. Выпейшь Но-шпу и поезжай.

Я покачала головой, развернулась и направилась в сторону остановки.

В голове звенело:

Бежать. Бежать. Бежать.

Я неслась по утоптанной земле, наступала в лужи. Заляпанные штаны не беспокоили, волновали лишь шаги за спиной. Есть они или нет? Всю дорогу переживала, что Павел преследует меня. Но я ошиблась. Конечно, он не мог просто так покинуть спорткомплекс, чтобы пуститься в погоню за мной. Зачем? Средь бела дня насильно поволок бы меня в тренерскую? Я поджала губы, ощущая неумеренно бьющийся пульс.

Села в первый же автобус, не глянув номер. Ехала, ехала, ни о чем не думая. Затем вышла, перешла небольшую дорогу. Оценила надгробия, туман над которыми был не слишком густым. И резко остановилась.

Надгробия?

Вырвав себя из мрачных мыслей о Павле, осмотрелась. Передо мной призывно и величественно возвышался дом на Верёвочной. Неужели в попытках спастись я приехала не домой, а сюда?

Облизала пересохшие губы. Выровняла дыхание. Покрутила головой из стороны в сторону, приладила выбившиеся из хвоста пряди.

Да, я приехала именно сюда.

Я не хотела признаваться самой себе, что подсознательно искала защиты у человека, скованного цепью. Я видела его всего лишь один раз, и этого оказалось достаточно, чтобы поверить в то, что он сможет меня защитить?

Он сможет тебя защитить, маленькая.

Будь уверена.

И видела ты его не один раз...

Мой внутренний голос внезапно приобрел мужской бархатистый тембр.

Я пнула попавшийся под ноги камушек и прошептала:

— Я схожу с ума, схожу с ума...

Вдалеке прозвучал громовой рокот. Воздух приобрел запах озона и прелых листьев. Я вынула из кармана телефон, медленно приближаясь к калитке. Зашла в чат с координатором, перед которой не отчиталась о проведенной работе.

— Здравствуйте, Маргарита Тихомировна. Вчера не рассказала, как прошел мой первый день. В личном кабинете я отметила, что была у клиента не более трех часов. Кошку клиента накормила, за домом поухаживала. Теперь вот снова приехала. Планирую задержаться на час-полтора.

Отправив голосовое сообщение, убрала телефон и решительно толкнула калитку. У крыльца намело листьев. Следовало убрать. Из почтового ящика выглядывало несколько писем. Потянув за уголки, вынула несколько рекламных брошюр и два запечатанных конверта. Замешкалась у двери, орудуя ключом. После трех неудачных попыток, дверь, наконец, открылась. С грохочущим от волнения сердцем я переступила порог дома.

Опять ускользнула! Черт возьми. Снова ускакала, из рук сбежала! Ну как же так?!

Залетев в тренерскую, Павел дал волю гневу. Он навешал хозяину «Баттерфляя» на уши гору жирной лапши, якобы Роспотребнадзор остался недоволен проведенной плановой проверкой. Чтобы подкрепить свои слова документально, Павел с легкой руки сочинил письмецо, где изложил «слабые места» спортивно-оздоровительного комплекса. А именно: нехватка методических указаний и санитарных правил по эксплуатации и работе бассейна, необходимость в чистке детского бассейна во второй зоне.

Зная о занятости хозяина спорткомплекса, Павел не переживал о лжи. Подумаешь, закрыли ненадолго «Баттерфляй», чтобы все как следует подготовить и пройти проверку вторично.

Но теперь Павла знатно потряхивало. Ради чего все эти жертвы? Ради чего обман? Чтобы заполучить девчонку с симпатичной мордашкой? Ну не бред?

Сгоряча Павел опрокинул стул, сбросил со стола папку с документами. Эта девка успела стать его навязчивой идеей. Павел и думать забыл о типе, который не так давно ему угрожал. Зато он прокручивал мысль, что ни разу в жизни не делал ничего подобного ради других женщин. Женщин у него всегда было мало, может, две или три за сознательные годы. Фигурой и лицом не вышел, умом тоже не блистал. Денег не водилось, автомобиля не было. Да будь у него колеса, он бы уже затащил Злату в салон, увез в дом своей прабабки, которая не выходит из дома уже пять лет (слишком стара), и как следует с ней развлекся. О том, как сложилась бы его жизнь после развлечения с несовершеннолетней, Павел даже не думал.

Запыхавшийся, с колотящимся сердцем он поднял стул и сел на него. Ничто не радовало, ничто не давало надежду на лучшее. Он просто не мог выкинуть темноволосую красавицу из головы.

— Это помешательство, — тряс головой на толстой бычьей шее Павел.

От выступившего пота его тело покрылось красными пятнами. Он ненавидел себя и всех вокруг. Он был неудачником. Смазливое, все еще детское личико Златы зависло перед глазами. Взгляд Павла помутнел. Он разом расслабился и ощутил спокойствие. Внезапно ему стало так хорошо, что рука потянулась к ширинке. Разум очистился от всех личинок, которые в нем копошились. Вроде бы, все шло как надо, и в течение пяти минут он самостоятельно доставил бы себе удовольствие, если бы не неполадки с его телом. Рука произвольно одернулась и повисла. Глаза заслезились. Потом появился зуд. Он потер глаза. Они зачесались сильнее. Нестерпимо.

Давай, сделай же что-нибудь.

Посторонний голос в голове вытеснил мысли тренера.

Павел подскочил со стула и завыл. Глаза бешено драло. Он весь сморщился, сощурился и принялся их расчесывать, но нарастающий зуд не проходил. Под руку попался степлер. Он поднес предмет к глазам, но тот был слегка прохладный. А Павел нуждался во льду. Жжение и желание вырвать глаза с нервом затопило тренера целиком. Стоная, он на ощупь приблизился к мини-бару. Здесь всегда находились напитки. Сжимая глаза, надавливая на них толстыми, как сардельки, пальцами, он выбросил руку вперед и принялся шарить. Коробочка с сахаром, еще что-то, еще Где же? Что же нужно? Наконец, пальцы-сардельки уткнулись в гладкий контейнер. Нашел! Нашел! Павел прослезился от счастья. Размазывая слезы и пот по лицу, Павел сел на пол там, где стоял. В этот момент он напоминал наркомана, дорвавшегося до чудодейственной дозы. Дрожащими пальцами извлек острую бамбуковую зубочистку. С минуты на минуту ему непременно станет лучше. И зуд пройдет.

— Чертовы глаза, — скрежетал зубами Павел.

Выколи их. И сразу станет легче

Ему хотелось вцепиться в глазницы, чтобы больше никогда не испытывать подобное. Острая зазубрина кольнула прикрытое веко. Как бы Павел ни старался, у него не получалось держать глаза открытыми. Он слегка надавил на зубочистку. Глаз под веком задвигался. Кожа расцарапалась сразу, проявив алую каплю. Кончик зубочистки окрасился в густой цвет. Павел завизжал, но продолжил вводить в трепещущий глаз роковую палочку. Визг смешивался с дикими воплями человека, находящегося в агонии. Зубочистка проникала все глубже и глубже, помогая роговице терять радужку. Оболочки отделялись от глазного яблока и выпадали. Павел побледнел настолько, что стал напоминать окоченевший труп. Он посинел. Лицо раздулось, из глаз хлынула кровь. Кровь пошла и носом. Павел рухнул на спину и забился в конвульсиях. Его лихорадило. Он больше ни о чем не думал. Не фантазировал. Ничего не хотел.

Он медленно умирал.

Глава 9

Его имя

Странно, но в доме было чисто. Даже пол вымыт. Неужели кто-то сюда приходил и все убрал? Я сняла куртку и оставила ее на спортивной сумке рядом с обувью. Резинка сильно стянула кожу головы. Я потянула за нее, освобождая длинные волосы. Пригладила их пальцами и направилась на кухню. Нужно чем-то покормить Лазаря и дать ему лекарство. Господи, такое ощущение, что я говорю не о человеке, а о ручной собачке.

Вымыв руки, наполнила стакан водой, добавив необходимое количество капель. Едой решила заняться потом. Сначала спущусь в подвал и проверю затворника. Меня душило чувство вины, ведь я так беззаботно отсюда сбежала.

Замок болтался открытым. Как такое возможно? Точно помню, как закрывала его на ключ. В подвале горел свет. Лазарь сидел на матрасе, сверлил взглядом пустоту. Увидев меня, его губы тронула мимолетная улыбка.

— Привет, — глухо сказал он.

На нем была белая футболка, серая хлопковая рубашка в клетку и темные штаны.

— Не любите джинсы? — ляпнула я, за что мысленно вlepила себе оплеуху.

Ну что за глупости я спрашиваю? Однако Лазарь доброжелательно улыбнулся, когда я прошла мимо него с водой.

— В джоггерах удобно отдыхать и медитировать.

— Вы умеете медитировать? — спросила я, оставляя стакан на столе.

— Я многое умею.

— А вот я — нет, — произнесла я, подумав про бассейн.

— Поговорим об этом?

Голос Лазаря звучал мягко. Почти нежно. Он не растягивал слова, а произносил их четко и быстро. Стало быть, передо мной вовсе не Лазарь.

Я отошла подальше и опустилась на нижнюю ступень лестницы. Скоро уже обоснуюсь здесь, принесу плед и буду днями и ночами сидеть рядом с Лазарем, чтобы ему не было одиноко. Подперев голову ладонями, я глубоко вздохнула.

— Не знаю. Мне как-то неудобно...

Замолчала, подбирая нужные слова. Украдкой взглянула на собеседника, пытаюсь понять, обижается ли он на меня за вчерашний побег. Но лицо его было таким бесстрастным, что мне стало еще противнее. Лучше бы он бросался обвинениями или вел себя по-хамски. Тогда бы я, возможно, жалела его чуточку меньше.

— Неудобно говорить со мной о личном?

— Не то чтобы. Просто... Мне кажется, это прозвучит по-детски.

— А ты попробуй.

Лазарь подобрал ноги и поднялся. Прочная, отливающая серебром цепь звонко лязгнула. Он взял прозрачный стакан и приложился к нему губами, осушая. Затем резко поставил на место. Стекло глухо ударилось о дерево.

— Я молодец?

От пронзительного взгляда мои руки покрылись мурашками.

— Да. То есть, это замечательно, что вы не сопротивляетесь и пьете лекарства.

Не сводя с меня глаз еще мгновение, он кивнул какой-то своей мысли, а потом принялся ходить туда-сюда: в угол подвала, к столу, на матрас, с матраса. Его передвижения были хаотичными. Затем он остановился.

— И все же мне бы хотелось поговорить о тебе. Тебя ведь Злата зовут?

Я сглотнула сухой ком и кивнула.

— А я Ефим. Ефим Шварц. Очевидно, доктор Козлов распорядился, чтобы ты присматривала за мной. И ты пришла уже во второй раз. Не побоялась. Почему?

Он медленно направился в мою сторону. Я поднялась ему навстречу. Ефим остановился в шаге от меня и пристально впился глазами, цвета жгучей, испепеляющей дотла лавы.

— Ефим? — у меня вспотели ладони, стук сердца отдавался в желудке.

Мне нравилось, как его имя играло на губах. Ефим Ефим. На выдохе, мягко, тихо. Это имя будто выходило из меня с углекислым газом.

— М?

— Мне плохо от того, что с вами делают.

Не верю, что сказала это.

Ефим пристально всмотрелся в мое лицо. К моим щекам прилился жар, джинсы прилипли к бедрам. Футболка размягчилась и норовила пойти мокрыми пятнами. Капелька пота, собравшаяся в ложбинке груди, плавно стекла в пупок и осталась жить там.

— И что же со мной делают? — вкрадчиво поинтересовался он.

Бесшумно сглотнув, произнесла:

— Заперли вас. Это бесчеловечно. Не могу выбросить из головы.

— Что именно тебе не удается выбросить из головы?

Я посмотрела себе под ноги. Мои ресницы затрепетали, ладони взмокли еще сильнее. Одно короткое слово готовилось сорваться с языка. Не отдавая себе отчета, я вознамерилась быть честной. Окончательно осмелев, приподняла подбородок и, встретившись с ночными глазами, твердо произнесла:

— Вас.

В помещении стало душно от странной паузы, возникшей между нами. В эту минуту я возненавидела себя. Ведь я только что призналась Ефиму и самой себе в том, что он занимает мои мысли. Не к добру все это, ох не к добру.

Чтобы разрядить обстановку, я кашлянула и как можно безразличнее проговорила:

— То есть, от всей этой ситуации мне не по себе.

Моя реплика походила на бляение овечки. Мы оба понимали, какой смысл я вложила в сказанное прежде. И этого уже не стереть и не забыть.

На лице Ефима не отобразилась ни одна эмоция. В глазах его читалась глубокая печаль.

— Беспокоишься обо мне. Приятно. Но не стоит. Я справлюсь. На самом деле, не такой уж я и беззащитный, как может показаться.

Я смутилась. Теперь он подумает, что я к нему равнодушна. Влюбленная школьница, что может быть смешнее? Для него я все еще ребенок. И почему меня так потянуло открыться? Однако на душе полегчало после признания, значит, мне было нужно выговориться. Да и нравилось мне говорить с ним. Голос Ефима был притягательным, как газировка в жару. Или вкусное сливочное мороженое. Или горячий чай на улице в мороз. Его голос согревал.

Отчего-то я не могла перестать думать о нем, даже находясь на близком расстоянии.

Да еще Гренкин, что без конца твердил о сумасшедшем. О том, кто стоял прямо передо мной. Из рассказов друга напрашивался вывод, что Лазарь карает не всех. Он ведь не тронул маму с детьми? А продавец-мошенник сам напросился. Проблюется после сырого мяса, будет ему наукой. В древние времена за воровство руку отрубали, а тут всего лишь вероятность сальмонеллёза. Стало быть, Лазарь не злодей?

— Плохо спала? — шепнул Ефим, возвращая меня из мыслей в подвал.

— Почти не спала.

Он поджал нижнюю губу, отчего выражение лица сделалось лукавым.

— Тогда беги домой. Отдохни. Поспи. И, если захочешь, приходи снова.

Перспектива уйти домой прямо сейчас меня ни капли не обрадовала.

— Не хочу уходить.

Ефим прервал наш зрительный контакт, отвернулся и побрел на свое просиженное место. Я умирала от любопытства: как так получилось, что на нем не та одежда, что была вчера? Но спросить об этом мне было неловко.

— Тебя что-то тревожит. Поговорим?

Усевшись, он сложил локти на колени. Запястье левой руки обтягивали часы, но уже другие, не те, что были вчера. Волосы взлохмачены. Губы едва приоткрыты. Огненный язычок лизнул меня в области сердца.

Ты очень... очень красивый.

Не могу смотреть на тебя дольше двух секунд, потому что боюсь саму себя.

Я позволила себе молчаливый диалог с самой собой, затягивая с ответом. Спыхватившись, сказала:

— Да, я... Подождите, какая же я глупая. Может, принести вам поесть?

Я рывком встала, намереваясь вернуться на кухню, но Ефим до безобразия быстро оказался возле меня и придержал за руку. Его подбородок был на уровне моего лба. Так близко, что я уловила жар его тела. Мое дыхание тотчас сбилось.

— Я не голоден.

Тихо произнес Ефим. Он меня больше не касался. Чтобы увидеть его губы, я посмотрела чуть выше, но задерживаться не стала, помня о приличиях. Опустила взгляд на рубашку, мягкую, приятную на ощупь. И чистую. Сладость ягодного сиропа, которым пропитался Ефим, кружила голову.

— Побудь со мной еще немного.

— Хорошо, — получилось сдавленно.

— Ты в выпускном классе учишься?

— Угу.

— Здорово...

— Почему-то из ваших уст это звучит грустно, — я кривовато улыбнулась.

Мой собеседник выглядел странно взволнованным и опечаленным одновременно. Интересно, он просто испытал ностальгию по прошлым временам или за его поведением кроется что-то иное?

— Правда? — Ефим выдавил дежурную, ничего не значащую улыбку. — Нет, на самом деле... Это классно. Да. Это здорово — окончить школу. Одиннадцать лет мучений и вынужденного общения с людьми, которые тебе вот ни капли не интересны. А порой они тебя просто бесят, — поймав мой вопросительный взгляд, Ефим смутился. — Ай... Да ладно, не воспринимай всерьез. Просто не у всех школьные годы выдаются прекрасными. Не все хотят их потом вспоминать, — наши глаза с Ефимом встретились, и он отвел взор первым. — Но есть и счастливики, которые будут прокручивать в памяти этот жизненный эпизод с удовольствием, просматривать школьные альбомы и... Я придунок, да?

Я умиленно хихикнула.

— Нет. Вовсе нет, — естественная улыбка не сходила с моего лица. — Мне очень нравится вас слушать. От парней вообще нечасто можно услышать их настоящее мнение насчет чего-то. Мы все как будто носим маски каждый день и искренними бываем так редко...

— Стало быть, я нарвался на комплимент?

Кивнув, я потупила взор.

— Спасибо, Злата. Мне правда приятно, что ты... что ты поняла мою мысль.

— Да, и я с вами согласна. Я тоже счастлива окончить школу, хотя мне повезло с одноклассниками, и я не сталкивалась с травлей.

— Ты уже определилась, кем хочешь быть в этой жизни?

— Я хочу быть самой собой.

Это вырвалось так внезапно, что я резко замолчала. Ефим выглядел удивленным. Несколько бесконечных секунд он молчал, после чего задумчиво произнес:

— Я говорил о профессии... Но твой ответ мне понравился. А я окончил колледж в Черногорске. Не буду грузить тебя специальностью, так как она не имеет никакого значения. Моя жизнь складывается совсем не так, как мне бы хотелось. Но у тебя есть все шансы выбрать свой путь.

Ефим направился в сторону стола (непонятно зачем), но обернулся.

— Мы можем перейти в более удобное место, чем подвал.

Подобная возможность меня не насторожила и не испугала. Наверное потому, что я бывала в полнейшем замешательстве, и мозг не успевал анализировать, что плохо, что хорошо.

— Но как? У меня нет ключа от цепи, — растерялась я, понимая, что не в силах вызволить человека отсюда хоть бы на несколько минут.

— Зато у Лазаря есть.

— И где же он его хранит? — упоминание Лазаря подпортило мое настроение.

Ефим казался адекватным до тех пор, пока в разговоре не всплывал Лазарь. Потому что я предполагала, чем может закончиться упоминание второй личности — приходом *этой* личности, агрессией и метафорической Кристиной.

— Есть вопросы, ответы на которые тебе знать не стоит, — с мастерством фокусника, в его руках появился маленький ключик.

Расправившись с оковами, Ефим аккуратно уложил цепь на пол и приглашающим жестом указал на выход. Я замешкалась на мгновение, представив яркую сцену убийства со спины. Переноса ступни с одной ступеньки на другую, я ощущала себя вблизи безлюдного туманного погоста. Солнце только принималось рассветать, но даже его ясные лучи не в силах были разрезать плотную завесу сгустившегося смога. Позади гулко звучали шаги, в то время как мои руки холодели от страха и осознания собственной беззащитности перед тем, кто способен нанести удар.

Десять скрипучих ступеней показались мне дорогой в вечность.

Мы вышли из подвала, и мир перестал казаться таким уж опасным. Ефим плотно прикрыл за собой дверь, повернул ключ в замке.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — легкой поступью он дошел до кухонной зоны, открыл шкафчик и показал мне несколько коробок чая.

— Черный с малиной, черный с шоколадом и мандарином, черный с лавандой и м-м-м, — он задумчиво выгнул бровь. — С шампанским.

Он отбросил перечисленные коробки и потянулся за следующими.

— Зеленый с мятой, зеленый с манго, травяной. Есть еще каркаде, но я, честно говоря, терпеть не могу эту кислятину. А ты какой чай предпочитаешь?

Ефим вцепился в меня смольными глазами. Он будто читал меня, как книгу. Ему потребовалось еще несколько секунд, чтобы сказать:

— Хм. Ты любишь какао?

Мои глаза округлились.

— Откуда вы знаете?

— Ты не варишь молоко. Любишь залить шоколадный порошок кипятком, а потом добавить молоко и сахар. Верно?

Я заправила за ухо волосинку, упавшую на лоб. Мне стало еще жарче, чем в подвале.

— Как вы можете знать такие вещи? Это же...

— Личное?

— Угу. Не уверена, что мои родители или сестра знают об этом.

Он прищурился.

— К сожалению, у меня нет какао.

— Это вовсе неважно.

— Не согласен.

Он отошел в сторону с телефоном и набрал номер. Стоя у окна, я разглядывала старые захоронения с видом заядлого археолога, который вот-вот возьмется за раскопки.

Ефим говорил негромко, но до меня долетел обрывок фразы:

— ... как можно скорее. Благодарю.

Он сбросил вызов, неторопливо приблизился и встал рядом.

— Удручает, правда?

— Да уж

— Скоро у нас будет какао.

«У нас». За секунду я разучилась дышать. Грудь наполнилась горячей волной чувства, которое мне не было знакомо.

— Я заметил в прихожей сумку. Объемная.носишь с собой учебники?

Я оглянулась на свои вещи, сиротливо занимающие угол.

— Увы. Там купальник, полотенце и шлепанцы. Я собиралась в бассейн, но...

— Не получилось?

— Не получилось.

— Почему так?

— Он оказался закрыт. Технические работы и все такое, — поймала себя на том, что в моем голосе явно сквозило волнение.

Ефим перевел взгляд с окна на меня.

— Когда пойдешь плавать в следующий раз?

Я пожалала плечами.

— Никогда, наверное.

Мы стояли, кажется, в сантиметре друг от друга. Рядом с человеком, которого в Туманке считают местным психопатом, мне было спокойно (кроме тех случаев, когда он за моей спиной или его место занимает Лазарь). Минут через пятнадцать пора было уходить. Я взмолилась, чтобы эти пятнадцать минут тянулись как можно дольше.

— Просто так откажешься от мечты перестать испытывать страх перед водой?

У меня отвисла нижняя челюсть. Я приподняла брови и прошелестела:

— Это грустно, но, похоже, придется.

— Если грустно, значит надо продолжать плавать. По-другому с водой не подружиться.

— Хм... Но я не могу больше ездить в «Баттерфляй», а другого бассейна у нас нет. А «Баттерфляй» не вариант.

Ефим снова обернулся к окну. Ветер трепал верхушки деревьев, собирая с них листья и разбрасывая по воздуху. Пыль поднялась столбом и окатила древние захоронения.

— Все из-за него, да?

По мне прошелся озноб. Даже кончик носа похолодел. Я выдохнула:

— Угу. Из-за тренера. Он меня пугает.

Воцарилась тишина. Мы оба смотрели в окно и, возможно, смотрели на одно и то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.